

ВСЯ ТВОЯ
ЛОЖЬ

ГАРРИЕТ
ТАЙС

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА « КРОВАВЫЙ АПЕЛЬСИН »

Гарриет Тайс
Вся твоя ложь

«РИПОЛ Классик»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

Тайс Г.

Вся твоя ложь / Г. Тайс — «РИПОЛ Классик», 2020

ISBN 978-5-386-14467-8

Сэди Роупер возвращается в Лондон, полная решимости собрать осколки своей разбитой жизни. Нужно устроить дочь в престижную школу и вернуть себе блестящую карьеру адвоката по уголовным делам. Но все идет не совсем так, как планировалось. Школа не очень радушно принимает новичков, ее дочь никак не заведет друзей, а другие матери соревнуются между собой так же яростно, как и их дети. Но ситуация меняется, когда Сэди начинает работать над громким делом. Джулия, королева школьных мам, завязывает дружбу с Сэди и втягивает ее в самое сердце мира, куда раньше ей дороги не было. Вскоре дела Сэди начинают идти в гору, но видит ли она правду? Сэди держит своих друзей близко, но не знает, что ее враги еще ближе...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-386-14467-8

© Тайс Г., 2020
© РИПОЛ Классик, 2020

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	11
3	14
4	17
5	20
6	25
7	29
8	33
9	38
10	44
11	47
12	52
13	56
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Гарриет Тайс

Вся твоя ложь

First published in English by Wildfire, an imprint of Headline Publishing Group.

© 2020 Harriet Tyse

© Чернец Е. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»,
2021

* * *

*Посвящается Саре Хьюз – моей лучшей подруге.
Я никогда не забуду тени для век от «Риммель»...*

Часть 1

1

В первый раз в жизни я спала в комнате своей матери. Во всяком случае, насколько я себя помню, это действительно случилось впервые за всю мою жизнь. В комнате холодно. Моя рука лежит поверх одеяла, она совершенно замерзла – кожа холодная и липкая, пальцы заледенели. Я переворачиваюсь на другой бок, с головой закутываюсь в одеяло и пытаюсь согреться от тепла, исходящего от Робин. Она тихонько посапывает рядом. Еще несколько лет назад она говорила, что хотела бы иногда спать со мной в кровати, но тогда до этого так и не дошло. Но вот теперь промозглый холод этого старого дома сделал свое дело и заставил-таки Робин снова попроситься ко мне в постель. В первый же вечер, когда мы только сюда приехали, она лишь на минутку зашла в приготовленную для нее комнату и моментально оттуда вышла.

– Здесь жутко холодно, – сказала она, – и еще мне не нравится та ужасная картина на стене.

– Я уберу ее, – спокойно ответила я.

И когда Робин попросилась спать со мной в одной кровати, я тоже не стала возражать. Мне хочется проводить с ней побольше времени, хочется постоянно ее видеть.

Одеяло оказалось слишком тонким. Прощлым вечером, чтобы хоть немного согреться, я положила пару наших пальто поверх одеяла, но они соскользнули на пол, пока мы спали. Я протягиваю руку, осторожно пытаюсь их поднять и снова натянуть поверх одеяла, при этом стараюсь не потревожить Робин и дать ей поспать хотя бы еще несколько минут. Когда мы окончательно проснемся, в комнате будет очень холодно.

Старый газовый камин всё еще пылится в углу. Я вспоминаю, как в детстве в самые холодные зимние дни мама иногда позволяла мне одеваться около него, всегда предупреждая, чтобы я не подходила к нему слишком близко. В те дни мне не разрешалось даже приближаться к камину. Я и теперь боюсь к нему прикасаться. Он вызывает во мне какой-то священный трепет. Эта глянцевая темно-коричневая поверхность, острые углы с облупившейся краской, керамические горелки, давно почерневшие от копоти...

При этом я даже не уверена, работает ли он еще. Некогда белые изразцы каминной облицовки теперь пожелтели и покрылись темными пятнами гари. Вчера вечером я не успела как следует рассмотреть фарфоровые статуэтки, стоящие на каминной полочке. Но сейчас даже в тусклом утреннем свете я отчетливо вижу, что они все те же: Пьеро со своей бессмысленно-печальной гримасой на лице и эти вечно улыбающиеся пастушки – все они по-прежнему здесь, все так же теснятся на узенькой каминной полке.

Спящая рядом со мной Робин слегка пошевелилась, вздохнула и опять погрузилась в глубокий сон. Я не хочу ее будить. Сегодня ей предстоит тяжелый день. Острое чувство тревоги внезапно пронзает мое сознание. Холодная сырая комната незримо давит на меня, в голове начинают крутиться мысли о теплом доме, который я покинула.

Ах, какой же все-таки поразительный контраст между той комнатой, что была здесь приготовлена для Робин и так ей не понравилась, и ее собственной уютной спальней, такой милой, в нежно-розовых драпировках, с мягкими овечьими шкурами на полу, – все это осталось в том доме, который нам пришлось оставить. Здесь же даже близко нет никаких драпировок и овечьих шкур, только висящий на лестнице череп барана горделиво красуется рогами.

Впрочем, все это не так важно. Здесь мы в безопасности. Далеко-далеко от дома. Робин поворачивается на другой бок. Теперь она лежит так близко, что я чувствую тепло ее тела.

В руке она сжимает милого вязаного зайчика – подарок, который моя лучшая подруга Зора когда-то смастерила специально для нее.

Моя тревога постепенно угасает. Я начинаю понимать, что после всего произошедшего в том доме, который я когда-то считала своим, мне всегда будет в нем холодно и неудобно, невзирая на исправно работающее там отопление. От одной только мысли о случившемся меня бросает в дрожь, я все еще пребываю в сильном шоке. Глубокий вдох, выдох... Все позади, мы уже здесь.

Я протягиваю руку, чтобы взять с прикроватной тумбочки свой телефон. На экране нет никаких уведомлений. Ни одного нового сообщения. Батарея телефона практически разряжена. Рядом с кроватью, конечно же, розеток нет. Но в доме все же должно быть электричество. Нужно проверить проводку. Надеюсь, меня не убьет током, пока я буду с ней возиться.

Я все еще лежу в кровати, составляя в уме примерный список всех дел, которые нужно выполнить в доме. Поразительно, сколько работы здесь предстоит сделать. Но это даже к лучшему – по крайней мере, у меня не останется времени думать о чем-то другом.

– Который час? – бормочет Робин, поворачиваясь и вытягиваясь во весь рост.

– Уже почти семь, – отвечаю я.

Мы молча лежим еще какое-то время.

– Нужно вставать. – Я прерываю молчание.

Еще мгновение мы греемся в кровати, собираясь с духом, чтобы мужественно вылезти из-под теплого одеяла в пробирающий до костей холод комнаты. Я собираю всю волю в кулак, одним махом скидываю одеяло и вскакиваю с кровати.

– Ты такая злока, – недовольно ворчит Робин, быстро вставая. – А мне обязательно принимать душ?

– Нет, конечно.

В ванной комнате не намного теплее, чем в холодильнике. Надо будет подумать, как это исправить. Робин убегает к себе в комнату. Я слышу, как она топчет и с шумом собирается. Я надеваю первые попавшиеся джинсы и свитер, совершенно не заботясь о том, как я сейчас выгляжу. Здесь слишком холодно для того, чтобы наряжаться.

– Я не хочу туда идти, – говорит Робин, держа в руке ломтик тоста, а затем кладет его обратно на тарелку, даже не откусив. Она тяжело вздыхает.

– Я знаю, – отвечаю я, и мое сердце сжимается от щемящей тоски.

– Мне там не понравится, – продолжает Робин, отворачиваясь и собирая волосы в пучок на макушке.

– Может быть, в итоге все окажется намного лучше, чем ты думаешь. – Я пытаюсь ее успокоить.

– Нет, все будет плохо, – с вызовом в голосе заявляет она, пристально глядя мне в глаза. Когда она в таком настроении, с ней лучше не спорить.

Одетая в новенькую, только что купленную школьную форму, еще такую свежую и хрустящую, Робин сегодня пойдет в шестой класс, который ей предстоит провести в новой школе. В абсолютно незнакомой обстановке среди совершенно новых лиц одноклассников, которые уже давным-давно все поделились на группы и компании.

Я смотрю на Робин. Эта новая школьная форма совершенно не подходит ей по размеру – воротник слишком велик и болтается вокруг шеи, юбка чересчур длинная. Ее лицо выглядит совсем бледным на фоне ярко-красного школьного кардигана и новой белоснежной блузки – всего того, что вчера в срочном порядке было куплено в магазине форменной одежды на Финчли-роуд. Этот магазинчик остался на том же месте еще со времен моего собственного школьного детства. Комок подкатывает к горлу, но все же я заставляю себя улыбнуться.

– Все будет хорошо, – уверенно говорю я, но в моем голосе слышится нотка отчаяния. – Там у тебя очень скоро появятся отличные новые друзья.

Я беру ломтик тоста, смотрю на него и со вздохом кладу обратно на тарелку. Я тоже совершенно не голодна.

– Да, наверное, – отвечает Робин, но в ее голосе сквозит сомнение.

Она заканчивает укладывать волосы и достает из кармана свой телефон, немедленно погружаясь в информацию на экране. Я вздрагиваю, но сразу же беру себя в руки. Интересно, прислал ли Эндрю своей дочери хоть какое-нибудь сообщение с пожеланиями удачи в предстоящем учебном году в новой школе? Я даже не знаю, разговаривала ли Робин со своим отцом с тех пор, как мы уехали... с тех пор, как мы были вынуждены уехать.

Робин, уткнувшись в телефон, продолжает что-то там просматривать, ее глаза двигаются по строчкам.

– Есть что-нибудь интересное? – в конце концов спрашиваю я, не в силах удержаться от вопроса. При этом я изо всех сил стараюсь, чтобы мой голос звучал как можно более непри-
нужденно. – Твой отец прислал какое-нибудь сообщение?

Как бы невзначай я тоже беру свой телефон и кладу его в сумку. Робин отрывает взгляд от экрана. Ее черные глаза и такие же темные волосы лишний раз подчеркивают бледность ее спокойного лица.

– От папы ничего нет. – Она качает головой. – Вы так и не поговорили?

Я пытаюсь изобразить на лице спокойную улыбку. Мне все-таки придется как-то про-
должить с ним общаться. Хотя бы ради Робин. Она должна думать, что между нами ничего особенного не происходит, что все нормально. И ей абсолютно незачем знать, что последний разговор между ее отцом и мной был гадкой язвительной перебранкой по телефону. После чего его номер стал недоступным.

– Просто уходи, – сказал он тогда. – Я больше не хочу тебя здесь видеть. Вас обеих не хочу здесь больше видеть.

Никогда прежде я не слышала в его голосе столько ненависти и презрения... Кажется, я слишком долго пребывала в своих мыслях. Робин смотрит на меня с неммым вопросом на лице.

– Ну, что там новенького? С кем ты болтаешь? – с усилием выдавливаю я из себя.

За последние месяцы среди бывших одноклассников и друзей Робин произошло несколько неприятных и крайне запутанных ситуаций и разразилась пара крупных ссор. И я неожиданно поймала себя на мысли, что мне нравится следить за ходом этих событий.

– Мам, все еще спят. Сейчас у нас дома глубокая ночь.

– Ах да, точно. Конечно. Прости, я забыла.

На какое-то время мои слова повисают в воздухе в полной тишине. Но вскоре Робин продолжает разговор уже более мягким тоном:

– Просто там целая куча сообщений еще с прошлой ночи, когда я спала. В пятницу Тай-
лер сидел в автобусе не с Эмми, а с Эддисон. И теперь из-за этого никто с ней не разговаривает.

– О, боже!.. – восклицаю я.

– Да, я знаю. Это так глупо, – соглашается Робин.

Она бросает еще один взгляд на экран телефона и откладывает его в сторону.

– Может быть, в отдельной школе для девочек тебе будет легче учиться, – говорю я, изо
всех сил стараясь придать своему тону побольше уверенности. Но у меня не очень-то получа-
ется.

– Думаю, я скоро это узнаю, – равнодушно пожимает плечами Робин.

Последний год начальной школы. Неприятные воспоминания о моей собственной учебе в школе до мозга костей въелись в мою память. Шестой класс – это всегда год больших пере-
мен. Всем исполняется по одиннадцать, кто-то уже выглядит как подросток, кто-то еще похож

на ребенка. Что касается Робин, то она находится где-то посередине – не очень высокая и не слишком низкая. К счастью, в ней нет ничего такого, что выделяло бы ее среди ровесниц. Но все равно ей будет достаточно трудно. Подавляя дрожь, я вспоминаю то отвержение, озлобленность и неприятие, через которое когда-то проходила сама. Однако, с чем бы тогда я ни сталкивалась, мне, по крайней мере, никогда не приходилось приспособливаться к новой школе...

– Я даже не представляю, как они там без тебя справляются, – сменив тему, я пытаюсь продолжить разговор.

– Не думаю, что они вообще хоть как-то друг с другом ладят, – совершенно серьезно отвечает Робин. – Без меня они постоянно ссорятся. И из-за разницы во времени я больше никогда не увижу только что написанных сообщений.

– Не расстраивайся. – Я пытаюсь ее успокоить. – Я уверена, что у них там все образуется. К тому же ты скоро снова их увидишь. Может быть, даже на рождественских каникулах.

Робин молчит. За последнее время в ее жизни случилось слишком много перемен, чтобы можно было их легко принять. Слишком много. И слишком быстро. Буквально за несколько дней наш с Робин мир перевернулся с ног на голову. В воздухе нарастает напряжение, разговор становится тягостным.

– Я знаю, что будет трудно, – говорю я. – Но у нас все получится. В принципе, нам повезло, что в этой школе было место. Конечно, твоя прежняя школа была очень хорошей. Но вспомни, что мы всегда мечтали о том, чтобы ты училась здесь, в Лондоне. Уверена, тебе здесь понравится.

Мой голос внезапно осип. Я отлично помню наш последний день в Бруклине – мои торопливые сборы и ту фальшивую улыбку, что как маска застыла на лице, когда мне пришлось солгать Робин о причине нашего столь поспешного отъезда. Незамедлительного отъезда, точнее говоря. Никакого тебе прощания с друзьями, ничего подобного. На это просто не было времени.

– И что, тебе самой нравилось здесь учиться? Ты уверена, что мне здесь будет хорошо? – с ноткой сомнения в голосе спрашивает Робин.

– Да, уверена, – твердо отвечаю я. Но это всего лишь моя очередная ложь. Правда, на этот раз совсем небольшая.

– Но ты же мне рассказывала, что у тебя было не самое счастливое детство, – не успокаивается Робин.

Хм, моя дочь, оказывается, весьма проникательная девочка. Даже слишком проникательная. Я быстро собираюсь с мыслями.

– Да-а... Но в основном это касалось отношений у нас в семье, – ловко выкручиваюсь я. – Видишь ли, твоя бабушка... Она не очень-то любила детей. Даже своих собственных. Поэтому школа была для меня просто спасением. Конечно, там тоже иногда возникали непростые моменты. Но у меня были друзья. Я любила читать и была завсегдаем школьной библиотеки. А еще меня назначили старостой класса, и моя фотография висела на Доске почета – это было очень круто. Так что в школе мне было гораздо лучше, чем вот здесь. – И я обвожу рукой обветшалую обстановку холодной кухни.

Лицо Робин озаряет улыбка.

– По крайней мере, в школе намного теплее, – пытается пошутить она.

Я протягиваю руки, чтобы обнять ее. Немного помедлив, она обнимает меня в ответ.

– Ну, все. Пора выходить. Мы же не хотим, чтобы ты опоздала в школу в свой первый же день.

Робин кивает, берет свою сумку и надевает перчатки. Я прячу свои немые жирные волосы под шерстяной шапкой, и мы выходим из дома.

Шагая в ногу вдоль тротуара, мы идем к автобусной остановке. Я украдкой бросаю взгляд на дочь. Она еще такая маленькая, но выглядит почти по-взрослому: уже оформился волевой подбородок и строгие черты лица.

Я не знаю, что нас ждет в будущем. Как бы мне хотелось обрести умиротворение и внутренний покой. Но почему-то я никак не могу избавиться от гнетущего ощущения тревоги, засевшего где-то в глубине моего сознания. Никак не получается расстаться с этим щемящим чувством страха, таким же отчетливым и реальным, как звук наших гулких шагов по асфальту.

2

Мы уже в автобусе. Я сижу у окна, прислонившись лбом к стеклу. Сорок шестой автобус переполнен. Он медленно и осторожно движется от остановки к остановке от Кэмдена до Сент-Джонс-Вуда. Я до сих пор так хорошо помню этот маршрут, что смогла бы пройти по нему с закрытыми глазами. Но теперь здесь многое изменилось, хотя в целом практически все осталось прежним. Кое-где появились новые здания, старые дома покрасили и обновили.

Я бросаю взгляд на Робин – она все так же погружена в телефон. Вдруг она прыскает от смеха и отрывается от экрана.

– Эмма прислала сообщение. Там такое творится! Прямо настоящая драма. Я так рада, что мне не приходится разбираться со всем этим, – заявляет Робин, пряча телефон в сумку. Ее голос звучит так спокойно и искренно, что я почти что ей верю.

По мере нашего приближения к пункту назначения мое сердце начинает сжиматься в груди. Внезапно я как бы включаюсь в происходящее вокруг – слышу шум уличного движения, визг тормозов, автомобильные гудки, доносящуюся издали ругань. Я чувствую запах выхлопных газов – они просачиваются с улицы, отчего в горле начинает першить. Гляжу на непрерывно проносящийся мимо поток черных внедорожников. Наверняка мы будем единственными, кто приедет в школу на автобусе. Вдруг автобус резко притормаживает, и я слегка ударяюсь головой о стекло. Я закрываю глаза, погружаясь в воспоминания.

– Мы никогда не сможем туда попасть, – слышу я собственный голос, говорящий это два года назад, когда мне впервые стало известно о том, что же сделала моя мать. – Слишком поздно пытаться туда поступить. Там всегда огромное количество желающих. И вряд ли когда-нибудь для нас появится свободное место. Ни сейчас, в начале четвертого класса, ни через год, ни через два. В этой школе всегда будет огромная очередь из тех, кто мечтает здесь учиться. Моя мать полагает, что она до сих пор в состоянии влиять на меня и контролировать все, что происходит в моей жизни, но она ошибается. Даже если бы я согласилась на выдвинутые ею условия, все равно ничего бы не получилось.

И это действительно было правдой. Я искренне обрадовалась, когда из приемной комиссии школы пришел официальный отказ на наш запрос о поступлении. Но это было до того, как все пошло наперекосяк – мой брак с Эндрю полностью рассыпался за какие-то два года.

И как же я была удивлена, когда пару недель назад мне позвонила та же самая сотрудница приемной комиссии и сказала, что у них появилось одно свободное место и они готовы принять Робин, только она должна приступить к занятиям немедленно. Это было как снег на голову. Я уже хотела было отказаться от этого неожиданного предложения, но что-то заставило меня повременить.

– Вы не возражаете, если я немного подумаю, – ответила я совершенно спонтанно.

Ничто тогда не предвещало, что через сорок восемь часов я буду ей звонить, спрашивая, свободно ли еще это место, фактически умоляя ее взять мою дочь. Да, я в буквальном смысле слова умоляла ее об этом. Для сотрудницы приемной комиссии это была просто стандартная процедура, всего лишь способ заполнить внезапно появившееся свободное место в классе. Для меня же это стало настоящим чудом. Это открыло для нас совершенно неожиданный выход из сложившейся ситуации. О таком спасении я даже и не подозревала.

Условие для вступления в наследство моей матери было выполнено – Робин будет учиться в «Ашамс». Это дало мне возможность распоряжаться этим домом, а также получать определенный доход от инвестиций небольшого капитала моей матери. И теперь, когда мой брак развалился, этих денег будет вполне достаточно, чтобы мы смогли здесь жить.

В последний раз я была в доме своей матери более десяти лет назад. Тогда я поклялась, что никогда сюда не вернусь. Я была твердо намерена никогда больше не позволять своей

матери вмешиваться в мою жизнь и пытаться мной манипулировать. Но ради Робин я нарушу любое обещание...

Вот мы уже стоим у ворот школы. Мои руки в карманах пальто крепко сжаты в кулаки. Даже взрослому человеку это здание кажется очень внушительным. Оно и вправду огромное. Его помпезный архитектурный стиль как нельзя более подходит для размещения самой престижной в Северном Лондоне отдельной школы для девочек. Я стараюсь не думать о том, насколько пугающе оно выглядит для моей дочери, как ей сейчас, должно быть, не по себе.

Для входа на территорию предусмотрены две пары железных ворот, а между ними цветочная клумба и живая изгородь из плюща и цикламена. За каждой парой ворот начинается извилистая аллея, ведущая к широкой лестнице парадного входа. Его отделка поражает своим великолепием, однако крыльцо здания расположено достаточно близко от ворот. Должно быть, в прошлом конным экипажам приходилось неспешно и осторожно маневрировать около парадного входа, вместо того чтобы стремительно подлетать к крыльцу.

Это старинное сооружение в центре Лондона так разительно отличается от прежней школы Робин – обычного современного здания, расположенного в одном из пригородных районов Нью-Йорка. Лондонская школа несет на себе четко различимый отпечаток истории. Атмосфера здесь настолько гнетущая, что присутствие живых детей за этими огромными дверями кажется просто невозможным. Я внимательно смотрю на Робин. Ее лицо выглядит напряженным и слишком бледным.

– Все будет хорошо, – говорю я.

Мне так хочется ей твердо это пообещать. Но я не могу. Робин окидывает взглядом здание, не отрываясь и не моргая. Она сжимает мою руку и говорит сдавленным голосом:

– Ого... Это что, начальная школа?

– Да, она самая, – отвечаю я. – Поверь мне, внутри там гораздо более дружелюбная обстановка, чем все это выглядит снаружи. Честное слово.

Я замечаю, что пытаюсь скрестить пальцы на удачу, но вовремя себя останавливаю.

– Нам лучше войти в здание, – говорю я.

Робин кивает. Мы медленно идем по аллее и поднимаемся по каменным ступеням крыльца. Перед нами широкие деревянные двери с отполированной до блеска латунной фурнитурой. Я берусь за ручку, чтобы их открыть. Но в этот момент кто-то с силой их толкает с другой стороны.

Прямо на меня из дверей вылетает женщина, практически сбивая меня с ног. Резко отпрянув назад от такой неожиданности, я удерживаю равновесие только потому, что успеваю ухватиться за руку Робин. Отчего она тоже едва не свалилась и мы обе чуть было не улетели вниз по ступенькам. У меня подворачивается голеностопный сустав. Острая боль пронзает ногу.

– Эй, смотреть надо, куда идешь! – В голосе женщины слышится презрение.

– Я же могла упасть с лестницы, – растерянно бормочу я.

Мое сердце все еще колотится от этого внезапного столкновения в дверях. А эта дама бесцеремонно протискивается мимо нас и молча удаляется прочь, покачивая при каждом шаге своими идеально уложенными локонами до плеч. Я провожаю ее взглядом. Симпатичная высокая блондинка. Но такая неприятная и так агрессивно настроена...

– Ты в порядке? – спрашивает меня Робин.

И в этот же самый момент из дверей начинает протискиваться другая женщина, нахально расталкивая нас, чтобы пройти. У меня к горлу подкатывает комок, будто я собираюсь заплакать. Или закричать. Как же мне сейчас хочется орать на них благим матом! Послать их всех куда подальше. Но вместо этого я быстрым движением незаметно смахиваю с глаз накотившиеся слезы и отвечаю:

– Да, все нормально.

Наконец мы благополучно вошли внутрь школы. Я представила Робин секретарше и заполнила бланк контактных лиц для связи на случай экстренной ситуации. И теперь просто выжидающе стою рядом с Робин.

– Мам, ты можешь идти, – говорит дочь, поворачиваясь ко мне.

Секретарша смеется:

– С нами она в безопасности, миссис Спенс.

– Спенс – это фамилия моего мужа, – уточняю я.

Я не могу сказать «бывшего мужа», потому что рядом со мной стоит Робин.

– Меня зовут Роупер. Сэди Роупер.

– Конечно, мисс Роупер, – моментально соглашается она.

Теперь они обе смотрят на меня, ожидая, когда я уйду.

Робин кивает в сторону двери:

– Ну, все, иди, мам.

Я смотрю на секретаршу:

– А что, я больше ни для чего не нужна? Разве не будет какой-нибудь ознакомительной экскурсии по школе, или встречи с классным руководителем, или чего-нибудь подобного?

Секретарша качает головой:

– Боюсь, что не сегодня. Вы обязательно познакомитесь с классным руководителем Робин в соответствующем порядке. Мы дополнительно сообщим вам информацию о дне и времени проведения очередного родительского собрания. – Затем секретарша поворачивается к Робин. – Пойдем. Я отведу тебя в твой новый класс, – говорит она и уводит от меня дочь прежде, чем я успеваю с ней попрощаться.

3

Быстрым шагом я иду к автобусной остановке, расположенной на другой стороне улицы. Боль в ноге постепенно утихает. Так, сперва нужно кое-что сделать по дому. А потом пойти в адвокатскую контору и узнать, есть ли там для меня какая-нибудь работа. Меня, конечно, очень смущает тот факт, что все последние годы у меня не было никакой юридической практики. Но я не позволю этому обстоятельству полностью сбросить меня со счетов.

В последние недели я все время готовилась к худшему. К чему-то настолько ужасному. Но, пожалуйста, пусть это предчувствие не сбудется. Гнев переполняет меня. Я злюсь на Эндрю за то, что он оказался таким ублюдком. Злюсь на свою собственную ярость и ненависть, которые заставили меня пересечь Атлантику и снова оказаться здесь, в объятиях своей матери и этого развалившегося дома.

В голове проносятся мысли о нашей бывшей квартире – такой уютной и светлой, расположенной в новом чистом доме. Свежий ремонт, белоснежные стены, аккуратные деревянные полы. Не то что здесь – какая-то темная мешанина заброшенного дома в викторианском стиле с окнами, поросшими плющом. Мне досталось довольно скверное наследство. Но лучше об этом сейчас не думать. Я все там отмою и очищу, обязательно отскребу всю грязь и приведу все в порядок.

Наконец подъезжает автобус. Я достаю телефон, чтобы написать сообщение Зоре и пригласить ее на ужин. На мгновение палец висит над экраном, я недолго думаю, затем пишу: «Сюрприз! Мы с Робин вернулись и остаемся в Лондоне. Это долгая история, расскажу при встрече. Давай завтра пообедаем вместе! Мне нужно многое с тобой обсудить». Я больше не хочу оглядываться назад, я буду думать только о будущем.

Вернувшись домой, я первым делом иду осматривать отопительный котел. Вчера вечером я была такой уставшей, что мне было не до этого. Я с удивлением обнаруживаю, что котел относительно новый. Колдую над ним пару минут – и вот он уже работает. Теперь у нас будет отопление и горячая вода. Это определенно развеет мрачную атмосферу этого дома.

Ободренная этим, я приступаю к наведению порядка на кухне, тщательно отмывая все, что попадает в поле зрения, отскребая каждую поверхность, выдраивая каждый уголок. Я полностью сосредоточена на уборке. Не останавливаюсь ни на секунду, не позволяя никаким мыслям о прошлом крутиться в голове. Я специально закрываю свое сознание от всяческих воспоминаний, от любого узнавания этих скрипящих половиц и потрескавшихся плиток, этого следа на стене от когда-то брошенной в меня книги, этого торчащего из пола гвоздя, о который я разорвала бесчисленное количество пар колготок.

Вместе с грязью дом покидает и царивший здесь до этого угрюмый дух тоски и отчаяния. Сквозь не до конца отмытое оконное стекло в кухню проникает холодный солнечный свет. Морок начинает рассеиваться, и мое душевное состояние явно улучшается.

После пары часов моей бешеной деятельности кухня вполне пригодна к использованию. Здесь стоит все та же духовка, которую я хорошо помню еще с детства. Я проверяю, исправна ли она, почти инстинктивно воспроизводя в памяти, что нужно довольно долго удерживать ручку нажатой, прежде чем газ загорится. Старый электрический чайник тоже на прежнем месте. У него уже давно перетерся шнур, оголяя провода. Помню, как еще пятнадцать лет назад, когда была тут в последний раз, я посоветовала своей матери выбросить его.

Я приподнимаю чайник и с минуту верчу его в руках, разглядывая следы известкового налета на внутренней поверхности. Внезапно в груди у меня все сжимается, во рту появляется кислый привкус. «Почему тебя волнует, что меня может убить током?» – в памяти воскресают ее слова. Я бросаю чайник в мешок с мусором и замечаю, как уголки моего рта машинально приподнимаются в улыбке.

Порывшись в кухонных шкафчиках, я достаю маленькую кастрюльку, наполняю ее водой и ставлю кипятиться на плиту. Несмотря на то что дом стоит на достаточно оживленной улице, на кухне, выходящей окнами на задний двор, совершенно не слышно шума машин. Из-за этой тишины мне становится не по себе.

Через стеклянное окошко в задней двери я разглядываю небольшой, выложенный бетонными плитами внутренний дворик. В тени вечнозеленых деревьев он кажется еще более темным и прохладным. Тисы и другие растения, за которыми когда-то ухаживала моя мать, теперь выглядят жалко и печально. Их пожухлые опавшие листья засыпали все пространство, сбиваясь в кучи по углам. Я все здесь расчищу и приведу в порядок. Белоснежный бульденеж, разноцветные герани в больших синих горшках – все эти некогда прекрасные цветы, теперь засохшие и вялые, снова оживут и взбодрятся.

Помню, как однажды на День матери я принесла домой букет тюльпанов. Я вручила его маме, но она резко отбросила цветы в раковину, помяв лепестки. «Мне хватает уже того, что я – твоя мать, – очень громко сказала тогда она. – Не нужно мне об этом постоянно напоминать! «Я до сих пор не забыла, какой глупой, жалкой и ничтожной я чувствовала себя в тот момент. Ноги меня не слушались. Я запнулась и, задыхаясь от обиды, убежала прочь из кухни...

Сейчас самое время сажать нарциссы и подснежники. А еще нежные крокусы и яркие тюльпаны всех цветов радуги. Я попрошу Робин мне помочь.

Отвернувшись от окна, я окидываю взглядом кухню. Она явно стала значительно чище, но все равно здесь еще довольно мрачно и уныло. Закипела вода, и я завариваю себе чай. Поудобней усаживаюсь на стул и с наслаждением вбираю в себя тепло горячей чашки, крепко обхватив ее ладонями.

Уже почти полдень. Кажется, в школе сейчас как раз должен быть обед. Наверное, теперь еда там стала гораздо лучше. По крайней мере, очень на это надеюсь. Я невольно начинаю перебирать в памяти то, чем обычно кормили нас: холодное картофельное пюре, плавающая в жиру лазанья, черствый как камень мясной пирог с вареными яйцами какого-то серо-зеленого цвета.

Я делаю глубокий вдох и усилием воли прогоняю эти внезапно нахлынувшие воспоминания. Нет, только не сейчас. У меня нет никакого желания перелистывать свой мрачный дневник памяти. То, что в нем записано, – чем дальше в прошлое, тем трагичнее. А в данный момент у меня нет ни времени, ни сил снова погружаться в эти драматичные переживания.

Я возвращаюсь мыслями к Робин. «Все будет хорошо», – сказала я ей недавно. Мой голос звучал ласково и приветливо. Теперь я стала гораздо мягче. Ободряющие слова легко слетают с моего языка. Но так было не всегда. Раньше я была весьма острой на язык особой. Решительная, напористая, абсолютно уверенная в себе. И бескомпромиссная – пан или пропал. Именно такой я была тридцать лет назад. С тех пор многое изменилось.

Я вспоминаю, как сегодня утром, глядя на это огромное, устрашающе-мрачное здание своей новой школы, Робин судорожно сжала мне руку. Настолько сильно, что просто удивительно, почему на коже не осталось никаких следов. Надеюсь, что все будет не так страшно, как полагает Робин. Однако, по правде говоря, сама я в глубине души боюсь, что все может обернуться даже хуже, чем она думает.

Мой чай быстро остывает. Я выпиваю его залпом и ставлю чашку на стол. У меня кое-что еще запланировано на сегодня. Мне нужно переодеться и сходить в адвокатское бюро узнать насчет работы. Где-то в глубине души я чувствую, что, скорее всего, эта затея окажется безрезультатной. Но сейчас я не могу позволить себе того, чтобы в моем сердце поселилось сомнение.

Впрочем, прежде чем куда-то идти, я должна немного прибраться в комнате Робин. Когда здесь еще жила моя мать, эта комната использовалась для размещения гостей, которые, впро-

чем, бывали в доме не так уж и часто. Я безжалостно выгребаю на выброс груды старых газет и порванных журналов. Вытряхиваю все содержимое из ящиков комода. Вышвыриваю из шкафа старые пальто, куртки, жакеты, изъеденный молью лисий меховой воротник с застежкой из черепашьего панциря. Все это отправляется в мешки для мусора.

Приходит сообщение от Зоры: «Да, отлично, давай пообедаем завтра. И ты подробно расскажешь мне, что же, черт возьми, случилось. Не могу поверить, что ты вернулась. Мне не терпится поскорее с тобой увидеться».

Я ощущаю, как у меня поднимается настроение. В душу пробивается тоненький лучик света. Я ужасно рада, что скоро повидаясь со своей подругой. Завтра у нас будет долгий разговор, потому что все, что произошло за это время, в двух словах не объяснишь. Ответным сообщением я просто посылаю ей смайлик, не в силах подобрать нужные слова.

4

Когда я стала переодеваться для того, чтобы пойти в адвокатское бюро, мне показалось, что я как будто перенеслась назад в прошлое. Я надеваю нижнее белье и натягиваю черные колготки, затем настает очередь белой рубашки и черной юбки. Завершающая деталь – пиджак. Теперь я рада, что из-за ностальгических воспоминаний не избавилась от этого костюма и в течение многих лет хранила его, предчувствуя, что однажды он может мне снова понадобиться.

Этот потертый черный костюм я носила в суде более десяти лет назад. Юбка свободно налезает и легко застегивается. Пиджак тоже – моя фигура ничуть не изменилась, как будто и не было всех этих лет. Я смотрю на свой силуэт, отраженный в пыльном зеркале, висящем на внутренней стороне двери.

Я помню свой первый рабочий день в адвокатском бюро. Это было почти что двадцать лет назад. Еще до встречи с Эндрю, до рождения Робин, до всего того, что совершенно неожиданно произошло в моей жизни и заставило меня отказаться от карьеры и работы в целом.

И вот теперь, когда в моей жизни начался новый виток, несмотря на то что он имеет вынужденный характер, я чувствую непонятное воодушевление и азарт. По крайней мере, я наконец-то снова смогу заняться юридической практикой. Я возвращаюсь на работу.

Вот я уже быстрым шагом иду по Кентиш-Таун-роуд к метро «Камден-Таун», мои нервы на взводе. Еще минута – и я оказываюсь на набережной, а затем около Собора. Срезая путь к Милфорд-лейн, я поднимаюсь вверх по узким крутым ступеням мимо Собора, любясь, как блестит на солнце глянцевая черная краска на железных перилах. На мгновение я останавливаюсь и оглядываюсь по сторонам.

Я хорошо помню этот проулок. Однажды, в самом начале наших с Эндрю отношений, опьяненные дешевым вином и страстью, мы занимались здесь любовью. Это была прекрасная ночь, одно из лучших моих воспоминаний. Внезапно в сознании всплывают мысли совершенно о другом, мерзком и гадком эпизоде моей жизни – о мрачном вечере несколькими месяцами ранее, об этом уроде, старшем адвокате, который был убежден, что все молоденькие студентки-практикантки обязаны пройти через его постель. Я помню, как отчаянно мне пришлось сопротивляться. Я пинала и била его, боролась изо всех сил, прежде чем мне удалось вырваться и убежать. Я останавливаюсь на том самом месте, где это произошло, именно тут, с левой стороны лестницы. Вытираю вспотевшие от волнения руки о юбку.

Удивительно. Почти двадцать лет прошло, но все эти переживания по-прежнему свежи в моей памяти. Я встряхиваю головой, отгоняя воспоминания, и продолжаю свой путь вверх по ступеням и далее через арку выхожу на Эссекс-стрит. Здесь в строгом порядке, как в армейском строю, параллельно друг другу в однотипных домах из красного кирпича вытянулись в две шеренги ряды Судейских палат и адвокатских контор. Дохожу до середины Эссекс-стрит, и вот я уже стою перед зданием своей прежней работы. На мгновение замираю и делаю глубокий вдох.

Раньше у меня уже возникало такое странное ощущение, будто я вернулась в прошлое. И вот снова это чувство. Сейчас мне точно также неловко и дискомфортно, как и в самый первый день моей юридической практики в конторе. Ноги подкашиваются, колени дрожат, ладони вспотели. Я делаю глубокий выдох, расправляю плечи и сильным толчком открываю дверь.

– Мисс Роупер, – слышу я удивленный голос Дэвида Фелпса.

На этот раз я действительно вернулась в прошлое и, похоже, собираюсь в нем задержаться на какое-то время.

– Дэвид, – учтиво отвечаю я, подавляя заискивающие нотки, которые предательски закрадываются в голос.

– Чем мы обязаны удовольствию видеть вас, мисс Роупер?

Он стоит возле стойки регистрации с большой стопкой бумаг в руках. Должно быть, мое появление застало его на полпути к кабинету. Маловероятно, что его рабочее место – это стойка регистрации в приемной, а должностные обязанности – встреча посетителей и ответ на телефонные звонки.

Словно в ответ на эти мысли мимо нас проскользнула молодая женщина и села за стойку рядом с коммутатором.

– У вас назначена встреча? – обратилась она ко мне официальным тоном, изучающе меня осматривая.

Я невольно вспоминаю о своем потертом, вышедшем из моды костюме.

– Нет, – с достоинством отвечаю я, поднимая подбородок.

– Тогда чем могу помочь? – Женщина вскидывает брови.

Вмешался Дэвид:

– Мисс Роупер – бывшая сотрудница нашего бюро.

На минуту мне показалось, что в его голосе прозвучала симпатия. Хотя, скорее всего, мне это только показалось. Я улыбаюсь ему, но он смотрит будто бы сквозь меня стеклянным взглядом хищной акулы в предвкушении первой крови.

– Я бы хотела поговорить о возобновлении моей юридической практики, – заявляю я. – Возможно, было бы лучше, если бы я сначала отправила письменный запрос, но все произошло так стремительно. Теперь я уже окончательно вернулась в Лондон.

– Понятно, – протяжно отвечает Дэвид.

Я продолжаю:

– Моя дочь ходит в школу. Мне ничего не мешает снова начать работать.

Я замечаю, что говорю это с определенным вызовом в голосе. Мои нервы напряжены, я с трудом держу себя в руках. Но я не позволю ему так просто отделаться от меня.

– Хм... Стоит ли возвращаться на работу ради такого пустяка, как консультации новичков-юристов, мисс? – вступает в разговор Дэвид. – Я что-то не заметил, чтобы они выстраивались в очередь, отчаянно желая предоставить вам работу.

Меня почти что забавляет тот факт, как он произносит слово «мисс», все еще делая на нем такой недопустимо насмешливый акцент. Почти что забавляет... Это, конечно, не означает, что мне такое нравится. Однако, по крайней мере, я понимаю, чего от него можно ожидать и в какой фазе находятся наши отношения. Впрочем, я всегда это знала.

– Дэвид, я надеялась, что, может быть, в Судейской палате найдется хоть какая-нибудь работа для младших адвокатов. А потом, со временем, я смогла бы потихоньку расширить круг своих клиентов.

– О, мне очень жаль вас огорчать, мисс, но, как сказал бы вам любой из наших младших сотрудников, в настоящее время работы не так уж и много. За последние несколько лет здесь произошли значительные изменения, о чем вы, несомненно, хорошо осведомлены. – Он делает паузу и рукой машинально приглаживает волосы. Я отлично помню этот его постоянно повторяющийся жест. – Если уж на то пошло, сколько лет-то миновало?

– Почти одиннадцать, – спокойно отвечаю я, все еще с высоко поднятым подбородком.

– Вы же не можете просто так взять и вернуться, как будто не было всех этих лет, мисс. Есть еще много дополнительных нюансов – действующий страховой полис, удостоверение практикующего адвоката, постоянное повышение профессиональной квалификации. Как я уже сказал, очень многое поменялось. Вам будет попросту невозможно вернуться.

– Но я все это уже сделала, – невозмутимым тоном отвечаю я.

Он думает, что одержал надо мной победу, но он ошибается.

– У меня есть страховой полис. А также действительное удостоверение практикующего адвоката. И у меня есть свежий сертификат о повышении квалификации. Все эти годы я при-

стально следила через Интернет за всеми новыми требованиями в сфере британской юридической практики. Я знала, что когда-нибудь я вернусь к работе.

– Мисс... – начинает было что-то говорить Дэвид, но в этот момент его перебивают.

– Скоро начнется мое совещание, назначенное на одиннадцать часов, – произносит у меня за спиной властный женский голос. Было в нем что-то смутно знакомое, дернувшее в моей памяти за какие-то ниточки.

– Конечно, мисс Карлайл. Не желаете ли, чтобы в конференц-зал принесли кофе? – спрашивает Дэвид. Он преобразился в совершенно другого человека – почтительного и даже подобоострастного. И в этом нет ничего удивительного.

Я должна была сразу же узнать этот голос. Барбара Карлайл – одна из самых высокопоставленных королевских юрисконсультов в Судейских палатах. Она была весьма могущественной особой еще много лет назад, когда я работала в адвокатуре. Я опустила голову и стараюсь быть незаметной.

– Разумеется, – говорит она начальственным тоном. – Кофе на восьмерых.

Она не прибавляет «пожалуйста». Я стою, по-прежнему не поворачивая головы в ее сторону, надеясь, что она скоро уйдет и я смогу конфиденциально продолжить свой разговор с Дэвидом. Но у него на этот счет явно другие планы.

– Мисс Роупер, – говорит он, демонстративно поворачиваясь ко мне. – Я понимаю всю сложность вашего положения. Но просто невозможно ни с того ни с сего появиться в Судейской палате спустя десять лет и ожидать, что вам дадут работу. У нас есть регламент. Независимо от вашего прежнего положения и опыта в юриспруденции, мы обязаны в первую очередь руководствоваться правилами. Если вы напишете официальное письмо в Комитет адвокатов, уверен, они всесторонне рассмотрят ваш запрос. Кажется, следующее собрание Комитета состоится как раз в конце марта.

Хорошо, что не через несколько месяцев. Я молча киваю, проглатывая свое разочарование. Я уже было повернулась, чтобы выйти, но тут ко мне подходит Барбара.

– Сэди, – обращается она ко мне. – Я вспомнила тебя. Ты была вторым младшим адвокатом тогда в деле об убийстве... много лет назад... вместе со мной...

– Да, все правильно.

– И потом ты уехала в Америку, не так ли? И там родила ребенка?

– Да... Робин почти одиннадцать, – отвечаю я.

– И теперь ты возвращаешься на работу?

– Все верно. Я бы хотела вернуться. Мне нужно вернуться. Но, по всей видимости, сейчас для меня нет ничего подходящего. – Произнося это, я бросаю короткий взгляд на Дэвида, который надменно ухмыляется, приподняв брови.

– Понимаю... – говорит Барбара, но конца ее фразы я уже не слышу.

Меня настолько доконала самодовольная гримаса Дэвида, что я готова расплакаться, даже не знаю, от чего именно – от обиды или от гнева. Но, черт побери, я не доставлю им удовольствия видеть, что я сломалась. Не оглядываясь, я стремительно выхожу из приемной.

5

Опустив голову и сосредоточив взгляд на экране телефона, чтобы ни с кем не встречаться глазами, я жду Робин возле школы. Я знаю, что вечно отсиживаться в стороне не получится, что скоро мне придется вступить в контакт с новыми людьми, но сейчас у меня нет на это сил. Я слишком подавлена визитом на свою бывшую работу, слишком устала от всех этих перемещений туда-сюда на метро.

Я настолько погрузилась в себя, что мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что рядом со мной уже стоит Робин. Ее лицо все еще выглядит напряженным, хотя уже не настолько сильно, как это было сегодня утром.

– Ну, как все прошло? – обращаюсь я к ней и уже было наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в щеку.

Но Робин отстраняется от меня.

– Мы можем просто уйти? Пожалуйста... – просит она.

Быстрым шагом мы движемся к автобусной остановке. И только десять минут спустя, когда мы садимся в автобус, и оглянувшись несколько раз по сторонам, как бы проверяя, что поблизости нет никого в такой же школьной форме, Робин готова рассказать хоть что-то о своем сегодняшнем дне.

– Все прошло хорошо, – говорит она. – В школе отличное художественное отделение.

– Это просто замечательно. А как там другие девочки?

Робин делает резкий выдох, но ничего не отвечает.

Я уже собираюсь повторить свой вопрос, но вовремя останавливаюсь и вместо этого говорю:

– Завтра к нам в гости придет Зора. Ей не терпится расспросить меня обо всем.

– Расспросить обо всем – это о чем? – В голосе Робин звучит удивление.

– Ну, обо всем, что произошло за последнее время – почему мы сюда переехали, да еще так быстро, почему ты теперь учишься в «Ашамс»...

– Так, может, ты и мне об этом расскажешь? – спрашивает она, глядя на меня испепеляющим взглядом, а затем отворачивается к окну.

Она уже давно не маленькая девочка. Да, ей только десять лет, но я уже вижу в ней подростка, которым она постепенно становится. В ее облике совершенно нет никаких следов той милой малышки, которой она когда-то была. В тусклом дневном свете профиль ее лица выглядит по-взрослому серьезным и напряженным.

Когда мы наконец добираемся до дома, Робин сразу же уходит в свою спальню, хлопая дверью. Я понимаю, что сейчас лучше оставить ее в покое. Через пару часов она выходит из комнаты и, обнимая меня, произносит:

– В доме стало теплее. А моя комната теперь выглядит гораздо лучше. Спасибо. Я уже начала раскладывать по шкафам свои вещи.

Эти ее слова – самая лучшая для меня награда. Награда, которую я не могла даже ожидать. С комнатой Робин я сделала все, что было в моих силах, чтобы она стала более уютной и комфортной. Комната, в которой сплю я сама – бывшая комната моей матери, пока что выглядит ужасно, но я тоже приведу ее в порядок. Однако я до сих пор так и не решилась подняться наверх, в свою детскую спальню, предпочитая спать на одном этаже с Робин. Ну, и чтобы лишней раз не ворошить призраки прошлого.

– Может, закажем на ужин пиццу?

Радость, которая появляется на лице Робин от этого предложения, отсекает все дальнейшие разговоры о доме. Ее лицо окончательно смягчается, и она проводит остаток вечера, увле-

ченно рассказывая мне о своих старых друзьях и их злоключениях. И все-таки не так уж моя дочь и повзрослела, в конце-то концов.

На следующий вечер в дверь нашего дома врывается Зора. С минуту она крепко сжимает меня в объятиях, потом отпускает, чтобы обнять Робин. Потом снова поворачивается в мою сторону и опять прижимает меня к себе. От нее пахнет точно так же, как и всегда, – сигаретами и духами с ванильным ароматом.

Большинство людей, которых я знаю, уже давно бросили курить, но только не Зора. Напряженная работа в качестве адвоката по уголовным делам приносит в ее жизнь слишком много стресса, чтобы она могла так просто бросить курить, – именно этот аргумент она всегда приводит в свое оправдание.

– Вы только посмотрите! – восклицает она. – Не могу поверить, что вы обе снова здесь.

– Да. Это... необычно... снова здесь оказаться, – соглашаюсь я.

– Ха! Могу себе представить, – продолжает Зора. – Я помню, что ты никогда не хотела сюда возвращаться. Должно быть, девочки, у вас сейчас такое чувство, будто вся жизнь полностью перевернулась. Вы вообще как, в порядке?

Мы с Робин молча киваем, а потом Робин что-то бормочет себе под нос и убегает наверх, в свою комнату.

– А Эндрю? – опять спрашивает Зора. – Как он это все воспринял?

– Давай не будем говорить об Эндрю, – прошу я, направляясь в сторону кухни. – Мне это очень неприятно. Пойдем лучше выпьем что-нибудь?

Мы идем на кухню и садимся за стол.

Зора оглядывается вокруг и одобрительно кивает:

– Сейчас все здесь выглядит намного лучше, ты – молодец.

– Спасибо, что заметила. И спасибо, что приглядывала за домом, – говорю я, разливая вино по бокалам и подавая один из них Зоре. – А еще я очень тебе благодарна за то, что ты не задаешь лишних вопросов. Мне самой потребовалась целая вечность, чтобы научиться вести себя так же сдержанно.

Я хорошо помню тот телефонный разговор с Зорой, когда я изо всех сил старалась сохранить деловой тон, но мой голос все равно звучал предательски взволнованно. Я была просто потрясена деталями открытия завещания моей матери. Это стало для меня весьма неожиданным сюрпризом. Никакой тебе быстрой продажи старого материнского дома, как я планировала ранее. Напротив, меня ожидала затяжная агония размышлений, пока я буду решать, выполнять ли ее условия по вступлению в наследство или бессильно наблюдать, как оно уплывает в чужие руки.

Тогда я ничего так и не рассказала Зоре о подробностях завещания, будучи не в состоянии выразить словами всю силу своего гнева на мать, которая даже из могилы пытается мною манипулировать. Но, ничего не объясняя, было очень тяжело просить Зору присмотреть за этим домом.

– Так расскажи же наконец, почему вы здесь, – оживляется Зора. – И почему ты отправила бедняжку Робин в эту ужасную школу, которую мы с тобой так ненавидели?

Ее слова резки, но выражение лица дружелюбное. У Зоры всегда очень доброе лицо – такое открытое, приветливое, озаренное улыбкой. Хотя сейчас она не улыбается, ее взгляд выражает озабоченность.

– Может, лучше не будем об этом, – говорю я, наполняя бокалы.

– Нет-нет, обязательно будем, – возражает Зора, делая большой глоток. – Помнишь, ты клялась и божилась, что никогда так не поступишь? Так что же случилось?

Я делаю глоток вина. До этого я не пила уже несколько недель, и алкоголь быстро помогает мне расслабиться. Приятное тепло разливается по телу, и я отвечаю:

– У меня не было выбора. Мне пришлось сюда переехать. И заварила всю эту кашу моя мать.

– Что ты имеешь в виду? Как твоя мать могла повлиять на такое? Она что, продолжает руководить тобой даже из могилы? – смеется Зора.

Я смотрю на нее с каменным лицом.

Зора тут же останавливается.

– Боже мой, так это правда? Она до сих пор держит тебя на коротком поводке? Но как, черт возьми, ей это удается?

Я вздыхаю:

– Ну, в двух словах это не объяснишь...

– А я никуда не тороплюсь, – заявляет Зора, усаживаясь поудобнее.

– Я стараюсь изо всех сил, – говорю я, как бы оправдываясь. – Делаю все возможное, чтобы извлечь из этой дерьмовой ситуации максимум пользы. Я хочу, чтобы именно этот факт ты удерживала в памяти, когда я буду обо всем рассказывать. Договорились?

– Хорошо, – отвечает Зора. – Я это запомнила. А теперь выкладывай.

– Как тебе, должно быть, хорошо известно, моя мать вычеркнула меня из своего завещания, когда узнала о моей беременности, – начинаю я свой рассказ.

Зора кивает:

– Да, я помню.

– Я всячески пыталась как-то смягчить эту ситуацию. Я надеялась, что после рождения ребенка мать успокоится, придет в себя и наши отношения как-то устаканятся. Но она продолжала на меня злиться. Она постоянно твердила, что, родив Робин, я полностью разрушила свою жизнь, что в дальнейшем я буду сильно сожалеть об этом. Это было ужасно. Я не могла спокойно слушать, что именно она говорила о своей собственной внучке. Эндрю она тоже ненавидела.

– Да, точно, – кивает Зора.

– А когда Эндрю предложили работу в Нью-Йорке, то наши с ней взаимоотношения закончились. Мы уехали в Америку, и с тех пор я с ней больше не общалась. Во время нашей последней ссоры она заявила, что если я уеду и тем самым предпочту семью карьере, то ровно с того момента я перестану для нее существовать. И что она полностью вычеркнет меня из своего завещания.

– О, как! – восклицает Зора, делая резкий вдох. – Ты мне этого не говорила. Надо же! Лишить наследства свою единственную дочь...

– Ну, по большому счету, она никогда не вела себя как настоящая мать. Это та женщина, которая откликнулась только в том случае, если я называла ее по имени... Помнишь? Ни мамуля, ни мама, а Лидия... Честно говоря, не хочется об этом даже вспоминать. По большому счету, я всегда ощущала себя чужой для нее. И в общем-то, никогда особо не рассчитывала ни на какое наследство... – Я встаю и жестом руки обвожу вокруг себя: – Ты только посмотри на это место. Ты же помнишь, какой скупой и прижимистой она была. Я всегда полагала, что у нас ничего нет, что мы еле сводим концы с концами.

Я делаю паузу, отпивая еще вина.

– Но? – удивленно вскидывает брови Зора.

– Но деньги, оказывается, были. По крайней мере, какое-то количество. И этот дом, как выяснилось, тоже наш.

– И она оставила все это тебе? – ахает Зора.

– Не совсем... Вот тут-то и начинаются сложности. Она оставила это все Робин – кое-какие сбережения, доход по ним и этот дом. И все это находится в доверительном управлении.

– Но это ведь замечательно, правда?

– Все не так-то просто, – вздыхаю я. – Это может быть нашим только при условии, что Робин будет учиться в «Ашамс». В начальной и средней школе до самого окончания.

Я размышляю над тем, стоит ли рассказывать Зоре целиком всю историю о том, почему я все-таки была вынуждена пойти на уступки и в конце концов принять такие условия. Но я понимаю, что просто не в силах снова погружаться во все свои недавние переживания. По крайней мере, не сейчас. Мой страх все еще слишком велик. Я до сих пор чувствую, как в те бесконечные часы, когда Робин отсутствовала и я не могла дозвониться ни ей, ни Эндрю, бешено колотилось мое сердце. Как у меня внутри все сжалось и похолодело. Я делаю глубокий вдох – задерживаю дыхание – выдох. Теперь она в безопасности. Мы обе в безопасности. Я не должна об этом думать.

– На самом деле то, что сделала моя мать, это полное безумие, – продолжаю я. – Поскольку в итоге все было привязано к одному – будет ли в «Ашамс» вообще свободное место для Робин? Моя мать отлично знала, что это практически невозможно. Там попросту не бывает свободных мест – девочек записывают в начальную школу еще до рождения. Сотрудница приемной комиссии едва ли не рассмеялась мне в лицо, когда я в первый раз позвонила узнать о наличии свободных мест.

– Но разве твоя мать не подумала об этом? – удивляется Зора.

– Разумеется, подумала. Скорее всего, что это была такая хитрая игра с ее стороны. Вроде бы деньги она завещала нам, но при этом у нее не было ни малейшего желания, чтобы мы их действительно получили. Тщательно продуманный поступок предсмертной злобы, чтобы под конец побольше мне насолить.

– Под конец? Я бы не стала так рано расслабляться и полностью списывать ее со счетов. Кто знает, что там еще всплывет...

– Да, я знаю, – соглашаюсь я. – Так вот, когда внезапно в «Ашамс» появилось свободное место... Мне пришлось отправить туда Робин. Иначе нам бы не досталось вообще ничего.

Повисла долгая пауза. Зора с укоризной качает головой. И я не могу осуждать ее за это.

– Это какая-то дремучая древность! Ты должна попытаться оспорить условия завещания и снять доверительное управление с наследства! – восклицает потрясенная услышанным Зора, и меня почти что забавляет выражение шока на ее лице.

– Да, я тоже об этом думала. Нотариус, который составлял ее завещание, одновременно является и попечителем наследства, и, насколько я поняла, он не так уж сильно за него держится. Согласно завещанию, пока Робин учится в «Ашамс», она будет выгодоприобретателем наследства – этот дом и небольшой капитал будут находиться в доверительном управлении в ее интересах. Ежемесячно нам будет начисляться доход от процентов на сбережения – сумма не слишком большая, но вполне достаточная, чтобы содержать нас обеих. А как только Робин закончит среднюю школу, прекратится и доверительное управление, и она получит все наследное имущество в свое полное распоряжение. Но если она покинет «Ашамс» или не сможет поступить туда в среднюю школу, то дом будет конфискован и продан и мы абсолютно ничего не получим. Нотариус был изначально против таких условий вступления в наследство. Он даже пытался уговорить Лидию изменить завещание. И потом он достаточно подробно разъяснил, что именно мне нужно делать, чтобы отменить эти положения завещания. По крайней мере, на этот счет можно уже не особо беспокоиться, – заканчиваю я.

В этот момент на кухню заходит Робин.

– И теперь получается, что я застряла в этой жуткой школе, где со мной никто даже не разговаривает, – с вызовом заявляет она, явно подслушав наш разговор. – И нам придется жить в этом ужасном доме.

– Робин, пожалуйста, не надо... – Я пытаюсь как-то смягчить эту тему.

– Я есть хочу, – перебивает меня Робин, отворачиваясь. – В этом доме есть что-нибудь поесть?

Я прекращаю разговор и готовлю ужин: варю спагетти и разогреваю заранее сделанный соус. Но даже стоя у плиты, я спиной ощущаю, как Зора сверлит меня взглядом. Я знаю, что у нее ко мне еще целая куча вопросов, которые пока что остались без ответа.

6

Во время еды настроение Робин немного улучшается, и она болтает с Зорой об Америке и оставшихся там друзьях. Но как только ужин заканчивается, она поднимается к себе в комнату. Я ставлю тарелки в раковину, и мы с бутылкой вина перемещаемся в гостиную на бесформенный диван.

– Кажется, Робин совершенно не в восторге от всей этой затеи с переездом сюда, – говорит Зора, допивая свое вино и снова наполняя бокал. – И ты до сих пор еще не рассказала, как к этому всему отнесся Эндрю.

Я не хочу говорить об Эндрю. Ни сейчас... Ни когда-либо вообще... Я молчу, надеюсь, что Зора догадается о моем состоянии и оставит эту тему в покое.

– Бедняжке Робин, должно быть, очень тяжело сейчас, – говорит Зора, пристально глядя мне в глаза. Я пытаюсь выдержать ее взгляд, но через несколько секунд отворачиваюсь, с трудом сглатывая подступивший к горлу комок. – Тебе, наверное, тоже нелегко.

Ее голос смягчается.

Да, мне очень нелегко... И ты, моя дорогая подруга, не знаешь и половины всей той тяжести, что камнем лежит у меня на сердце. Зора больше ни о чем не спрашивает. Она бесцельно бродит кругами по гостиной. Я слежу за ней глазами, попутно изучая потрепанные обои на стенах и облупившуюся краску на потолке. В нише рядом с камином есть полочки, на которых расставлены старые фотографии и фарфоровые украшения.

– Мне всегда было любопытно, почему эти статуэтки такие уродливые, – говорит Зора, беря в руки одну из них. – Что с ними не так?

Она подходит ко мне. В руках у нее одна из тех парных фигурок, что стоят на каминных полочках здесь и на втором этаже и которые так меня раздражают. Эта статуэтка изображает улыбающуюся мать с корзиной фруктов в руках, из которой маленький мальчик берет яблоко. Другая фигурка из этой пары представляет собой отца, наклоняющегося к маленькой девочке, чтобы положить конфету в ее протянутый передник. Раскрашены статуэтки в чересчур слащавые пастельные оттенки розового, голубого и зеленого цветов, выражение их застывших лиц тоже какое-то приторно-нездоровое.

– Мать была одержима ими, – говорю я. – Когда я была маленькой, мне они очень нравились. Теперь-то я тоже от них не в восторге. Я помню, как в детстве тайком от матери пробиралась сюда, чтобы просто поглазеть на них. Как-то раз я даже осмелилась взять одну из них в руки. Но была внезапно поймана с поличным. Мать так сильно заорала на меня, что от страха я уронила статуэтку, и голова отлетела прочь.

– Вот черт! – восклицает Зора.

– Да, точно. Это была фигурка мужчины. Если внимательно присмотреться, то можно найти место, где она была склеена.

Зора ставит на место женскую статуэтку, которую держала до этого, и берет в руки мужскую, проводя пальцами по линии приклеивания головы.

– С чего бы это они ей так нравились?

– Не знаю, – отвечаю я, – но у нее было довольно странное чувство сентиментальности. Она любила котят, розовые бантики и все такое милое и пушистое. В стиле Долорес Амбридж из «Гарри Поттера», знаешь ее?

Зора кивает:

– Да, но мне такой стиль не нравится. Совершенно не в моем вкусе. Этот дом нужно полностью расчистить и освободить от всего подобного барахла, чтобы ты смогла начать все заново. Тебе нужно полностью избавиться от всего, что может хоть как-то напоминать о матери. И дальше строить свой собственный новый мир. Если, конечно, ты собираешься здесь оста-

ваться. Чего, на мой взгляд, тебе делать категорически не нужно. Говорю тебе это сейчас прямым текстом... на случай, если вдруг ты не поняла моих предыдущих намеков на этот счет.

Я вздыхаю:

– Я отлично тебя поняла. Ты совершенно ясно изложила свою позицию. Но у меня особо нет выбора. Выполнить условие материнского завещания, отправив Робин в «Ашамс», это на данный момент единственная возможность получить хоть какие-то средства, на которые мы сможем прожить. Я не могу позволить себе сейчас жить как-то по-другому. Со временем я постараюсь смягчить эту ситуацию или найти другое решение. Но сейчас пока вот так.

Зора качает головой:

– Честно. Я не понимаю... Отправить Робин в эту ужасную школу, которую мы обе так ненавидели... Сэди, надеюсь, ты знаешь, что делаешь... У меня просто нет слов.

– Я все объясню тебе, обещаю. И тогда ты меня поймешь. И не будешь осуждать. Серьезно, у меня совершенно не было выбора. А сейчас я так устала. Может, оставим пока этот разговор? Просто поверь мне на слово, что я делаю все, что в моих силах.

С минуту Зора сидит нахмурившись и сердито смотрит на меня. Но затем она смягчается и меняет тему разговора:

– Хорошо, я тебе верю. Давай еще выпьем и поговорим о чем-то более веселом. Ты уже нашла какую-нибудь работу?

Мое настроение падает еще больше.

– Мы же вроде собирались поговорить о чем-то позитивном? Насчет работы... Скажем так, я попыталась. Вчера ходила в свою бывшую контору и спрашивала, можно ли к ним вернуться. Я была уверена, что у них по крайней мере будет какая-нибудь работа хотя бы в мировом суде.

– И что же?

– Ничего. Совершенно ничего нет. В конторе, между прочим, все тот же самый старший клерк, Дэвид. Помнишь его?

– Дэвид? Этот урод?

– Он вовсе не урод. Он просто... старомодный.

– Ха, я-то помню, как ты раньше отзывалась о нем. И теперь я сама периодически сталкиваюсь с ним по работе. Недавно я вела одно дело о мошенничестве и консультировала нескольких присяжных поверенных из его адвокатского бюро. Этот Дэвид – тот еще урод, – насмешливо заявляет Зора. – И вообще, я что-то не понимаю. Разве не ему ты врезала тогда по яйцам, когда он попытался насадить тебя на свой член? Еще и уговаривал тебя не сопротивляться, чтобы не создавать себе проблем в дальнейшем продвижении по карьерной лестнице. Ты что, забыла это?

Да уж, у Зоры, похоже, слишком хорошая память. Я бы предпочла, чтобы и сама она забыла, и мне бы лишний раз не напоминала об этом гадком инциденте с Дэвидом.

– Конечно, тогда он повел себя отвратительно, это правда. Но в конце концов я все-таки получила свое адвокатское удостоверение. Жаль, что сейчас оно уже недействительно. Я слишком долго не работала по специальности – десять лет без юридической практики. Теперь придется подавать письменное ходатайство в Адвокатский комитет и ждать решения. Они будут рассматривать все прошения и заявки на членство в Адвокатской коллегии в марте.

– До этого момента еще несколько месяцев, – говорит Зора. – У тебя есть на что жить? Эндрю дает вам достаточно денег?

Я смотрю на нее и едва могу выдать из себя:

– С этим все не так просто.

У меня внутри снова звучит его злой шипящий голос, который я целый день сегодня пыталась заглушить в своей голове. Он все повторяет и повторяет сказанные неделю назад

слова: «Убирайся отсюда, Сэди. Я не хочу тебя больше видеть. И Робин я тоже больше не хочу видеть...»

Дает ли нам Эндрю денег? После того, что случилось, я даже не уверена, что когда-либо вообще его увижу. Лучше даже сказать, что я точно знаю, что никогда не захочу его снова видеть. От нервного напряжения у меня начинают трястись руки, и я прячу их в карманы.

– Сэди, – с тревогой обращается ко мне Зора. – Что с тобой?

Усилием воли я пытаюсь расслабить свою напряженную гримасу на лице и превратить ее в подобие улыбки:

– Извини, я просто устала.

– Слушай, я знаю, что ты не любишь ни о чем просить. Но я всегда смогу тебе чем-нибудь помочь, как-то выручить, – говорит Зора. – От меня в Судейские палаты уходит большое количество уголовных дел.

– Да, ты права. – Я неохотно соглашаюсь. – Я действительно не хотела тебя ни о чем просить. Ты уже и так много для меня сделала.

– Чуть собачья, – восклицает Зора. – Все, что я пока что сделала, это время от времени приходила и проверяла эту обшарпанную чертову конуру, вот и все. Я серьезно – давай-ка я завтра, когда приду в офис, посмотрю, какие дела у нас сейчас есть в работе, и подумаю, что можно сделать по этому поводу. Не волнуйся, я не буду долго тебя томить, сразу же дам знать.

– Только не нужно мне делать никаких одолжений, – заявляю я.

Зора пристально смотрит на меня. Я недолго выдерживаю ее взгляд и первой опускаю глаза. Мы обе отлично понимаем, что мне сейчас нужно именно то, что она предлагает, независимо от того, нравится мне этот факт или нет.

– В свое время ты чертовски хорошо справлялась со своими обязанностями. Поэтому не жди с моей стороны каких-то поблажек. Никакой благотворительности, – смеется Зора. – Тебе придется еще заслужить это.

Я улыбаюсь в ответ, поднимая бокал.

Остаток вечера пролетает очень быстро. Уже вставая, чтобы уходить, Зора говорит с теплотой в голосе:

– Знаешь, я так рада, что ты вернулась. Ты и Робин... Несмотря на то что сейчас привычный ход вещей в твоей жизни нарушен, все будет хорошо.

Она обнимает меня. Я вдыхаю ее аромат – такой знакомый и успокаивающий.

– И я хочу удостовериться, что ты в конце концов расскажешь мне, что же все-таки произошло. Ты не можешь вечно уходить от ответа, – говорит Зора, легонько встряхнув меня в своих объятиях. – Я сообщу о работе, как только что-то узнаю.

Зора вызывает такси и уезжает, а я поднимаюсь наверх. Я заглядываю в комнату Робин, но ее там нет. Свернувшись калачиком, она лежит в моей кровати и кажется такой маленькой под этим тонким одеялом. Я смотрю на нее и снова ощущаю эту резкую и настойчивую боль в груди.

– Что с тобой? Ты в порядке, милая? – спрашиваю я, присаживаясь рядом с ней на кровать, поглаживая рукой поверх одеяла.

– Да, наверное, – отвечает Робин и высовывается из-под одеяла.

– Мне очень жаль, что мы не можем поехать домой, – начинаю было говорить я, но она перебивает меня:

– Прости, что я рассердилась. Я просто хочу, чтобы все было по-прежнему, вот и все.

– Да, я знаю. Мне бы тоже хотелось, чтобы все было как раньше. К сожалению, это не в наших силах. Но мы можем сделать так, чтобы было не хуже. Я обещаю, что сделаю все возможное. – Я ложусь рядом и обнимаю ее. – Ты будешь спать здесь или пойдешь к себе в комнату?

– Пойду к себе. Я просто хотела увидаться с тобой перед сном.

Она встает и топает в свою комнату. Когда она поудобней устроилась в своей кровати, я целую ее на ночь. И прежде чем уйти, придирчиво оглядываю комнату. Лакокрасочное покрытие кое-где облупилось, кое-где потемнело, ковер потертый и облезлый. Но сейчас здесь чисто и тепло. Постепенно я до всего доберусь. Пока что мы в самом начале нашего нового пути, но уже есть определенный прогресс.

– Я люблю тебя, – говорю я с нежностью в голосе и тихо закрываю за собой дверь.

Я иду по коридору обратно в свою комнату и забираюсь в кровать, уютно устроившись на том месте, которое согрела Робин.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6:07

Грохот, звон разбитого стекла. Глухие звуки тяжелых шагов по лестнице. Я знаю, что случится что-то ужасное, еще до того, как он переступает порог. Он несет с собой явно ощутимый запах пота и страха. Я совершенно оцепенела, руки плотно прижаты к телу, когда он в три огромных шага пересекает комнату, выдергивает меня из кресла и разворачивает к себе лицом. Я чувствую, что к моей шее приставлено что-то холодное. И слышу хриплый голос, шепчущий на ухо:

– Убирайся отсюда к чертовой матери. Или ты больше никогда ее не увидишь. Пора тебе валить домой.

Я начинаю сопротивляться, бороться, чтобы освободиться, но его руки как будто вросли в меня, вытянулись и обвили все мое тело до самых пят. Я не могу вырваться. И тут я замечаю, как он на глазах превращается в змею, в хищную анаконду, которая полностью меня обвивает, заворачивая в кокон. Я мечусь из стороны в сторону.

В ужасе я просыпаюсь, накрытая с головой покрывалом, которое душит меня и не дает дышать. Я стягиваю его, хватая ртом воздух. Сердце бешено колотится в груди. Все хорошо. Это всего лишь сон. Это все не реально. Этого никогда не было и никогда не будет. Я резко отбрасываю покрывало в сторону и иду в комнату Робин, чтобы успокоиться, увидев ее. С ней все в порядке, все хорошо.

Не до конца проснувшись, я все еще пребываю в полудреме. Этот ночной кошмар давит на меня тяжелым грузом. Я полностью успокоюсь, когда увижу, что она в безопасности, тихонько спит в своей постели. Но ее там нет.

И хотя я сразу же вспоминаю даже сквозь пелену сна, что она не пропала, что она даже не должна сейчас быть там, на меня все равно накатывается волна безумной паники. Тот же приступ ужаса, который я пережила в те долгие часы, когда она пропала. Именно тогда я поклялась, что сделаю абсолютно все возможное и невозможное, чтобы защитить ее, если она снова вернется домой.

Сто двадцать минут страха, каждая из которых длится целую вечность, когда я снова и снова вспоминаю об этом. Я знаю, что сейчас все по-другому. Ничего ужасного не произошло. Но все равно проходит довольно много времени, прежде чем я успокаиваюсь и мое сердце перестает биться, как раненая птица в клетке. Я смотрю на ее пустую холодную кровать.

Наконец я возвращаюсь в свою постель, делаю глубокий вдох, выдох, снова вдох. Она в безопасности. Я знаю, что она в безопасности. Все хорошо. Проходит какое-то время, и я снова погружаюсь в сон.

7

Время замедлило свой ход. Проводить – встретить из школы, приготовить – прибраться... сплошь быт и суета. И только выходные – настоящий оазис спокойствия. Появляется некая закономерность, определенный ритм жизни.

Никто из родителей не разговаривает со мной, когда я пересекаюсь с кем-то возле школы. Но это даже хорошо, по крайней мере, меня это вполне устраивает. Кроме того, находиться в тени тоже имеет свои преимущества. Оставаясь незамеченной, я могу спокойно наблюдать за остальными, чтобы выяснить, кто есть кто в классной иерархии.

Самая шумная группа мамочек сосредоточивается вокруг той самой блондинки, чьи волосы всегда безупречно уложены и с которой я столкнулась в дверях в самый первый день. По утрам она всегда одета в спортивный комплект, причем каждый день разного цвета. В обед она появляется в джинсах и длинном жилете, сквозь вырез которого торчит накрахмаленный воротник безупречно-белоснежной рубашки.

Другие женщины обычно стоят вокруг нее как зачарованные. Когда она рассказывает что-то веселое, то смех всегда длится дольше, чем обычно. Вот и сейчас, когда мы ждем наших детей из школы, от этой компании доносятся взрывы хохота. Я замечаю, что меня это невольно приводит в напряжение, плечи ссутуливаются, и я вся сжимаюсь. Усилием воли я заставляю себя расслабиться и выпрямить спину.

Я достаю телефон и начинаю просматривать ленту новостей, изо всех сил стараюсь не обращать внимание на эту компанию. Их разговоры не имеют ко мне никакого отношения, уверяю себя я. И смеются они, разумеется, тоже не надо мной.

– Я полагаю, что можно было бы хотя бы из вежливости что-нибудь ответить, – доносятся оттуда громко сказанные одной из женщин слова.

– Ты вложила столько усилий в организацию этого мероприятия, Джулия, – говорит другая.

– Это, по крайней мере, невежливо, – заявляет третья, и все остальные тут же с ней соглашаются.

– Нет-нет, мы не должны ее осуждать, – произносит чей-то твердый голос, и весь разноречивый хор тут же умолкает. – Может быть там, где они жили раньше, было принято по-другому себя вести.

Не знаю почему, но мне все больше и больше начинает казаться, что тема их разговора каким-то образом все-таки связана со мной. Я украдкой бросаю взгляд поверх экрана телефона и впервые за все это время встречаюсь взглядом с той самой высокой блондинкой. Ее голубые глаза смотрят на меня поверх голов ее фавориток.

– Может быть, не все знают, что следует хоть что-нибудь сообщить в ответ на присланное приглашение, – снова произносит тот же голос. Он принадлежит той самой блондинке.

Я быстро отвожу взгляд. Вступает в разговор другая женщина:

– Но это ведь совершенно очевидно из твоих писем, Джулия. Ты всем посылаешь ссылку на свое приглашение через специальное приложение в телефоне. И все, что нужно сделать, это просто нажать одну кнопку – «Да» или «Нет». Даже не нужно кому-то объяснять причину отказа.

Итак, получается, что высокую блондинку зовут Джулия. Я отваживаюсь бросить еще один взгляд в ту сторону. Пронзительные голубые глаза продолжают пристально меня изучать. Я переминаюсь с ноги на ногу и аккуратно поворачиваюсь таким образом, чтобы оказаться немного боком ко всей этой компании.

– Я хочу кое-что спросить, – вдруг слышу я около себя резкий женский голос. Я поднимаю взгляд и вижу перед собой темноволосую миниатюрную женщину, чем-то явно недоволь-

ную и настолько раздраженную, что отлетающие от нее искры гнева практически можно видеть невооруженным глазом. – Ты ведь мать этой новенькой девочки, верно? – нервно уточняет она. – Робин. Из шестого класса. Да?

– Гм... да... – отвечаю я, растерянно моргая.

Но женщина не дает мне больше ничего сказать и сразу же гневно продолжает:

– Крайне невежливо оставлять приглашение без ответа.

– Какое приглашение? – спрашиваю я, стараясь, чтобы мой голос не звучал раздраженно. – Я совершенно не понимаю, о чем ты.

– Какое приглашение? – язвительно переспрашивает она. – Да ладно, брось прикидываться. Приглашение на сегодняшнюю вечеринку, которую Джулия столь любезно организовала и устраивает у себя дома. А ты даже не удосужилась ответить на ее приглашение.

– Я не получала никакого приглашения, – повторяю я еще раз.

Но эта дамочка как будто вовсе не слышит меня и продолжает гнуть свою линию:

– Ты должна быть признательна за приглашение от такого человека, как Джулия. И у тебя нет никакого права игнорировать подобное. Это невероятное хамство.

Она резко поворачивается на каблуках и возвращается к компании своих подруг. А я стою как вкопанная, слегка приоткрыв от удивления рот, совершенно не понимая, что только что произошло.

– Она все ей высказала, – слышу я чей-то голос, доносящийся от группы этих женщин.

Все еще под впечатлением от услышанного, я ошеломленно смотрю на них какое-то время. Затем отвожу взгляд, про себя молясь Богу, чтобы никто больше не заговорил со мной, пока я жду Робин.

– Мама Дейзи очень сердится на тебя, – говорит Робин, когда мы садимся в автобус.

– Да? А кто такая мама Дейзи?

– Она возглавляет в классе какой-то там комитет...

– Родительский комитет?

– Да, точно, – соглашается Робин. – Она устраивает сегодня вечеринку, а ты не ответила на ее приглашение.

Так вот оно что! Сегодняшний инцидент в школьном дворе внезапно обретает смысл.

– А ты, случайно, не знаешь, как зовут маму Дейзи?

Робин в недоумении смотрит на меня.

– Нет, конечно, не знаешь, – отвечаю я сама себе, протягивая руку, чтобы погладить Робин. – Сегодня в школе было получше?

– Даже и не знаю, – вздыхает моя дочь. – Может быть, немного получше. Другие девочки говорили со мной. Правда, только для того, чтобы сказать, как нехорошо и грубо ты поступила с мамой Дейзи. – Робин пожимает плечами и отталкивает мою руку. – Почему ты не ответила на приглашение? Ты же сама говорила, что всегда нужно отвечать.

– Так и есть, отвечать на письма нужно всегда. Я просто не получала никакого приглашения, вот и все, – оправдываюсь я.

– А Дейзи сказала, что ее мама послала тебе специальное приглашение. Она бы не стала врать и придумывать такое, – резонно возражает Робин, говоря это с такой уверенностью, что мне просто нечем оправдаться.

Я просматриваю свою электронную почту. Во входящих сообщениях ничего нет. На всякий случай я открываю папку «Спам», практически не надеясь что-то там найти. И вдруг вижу это приглашение. У меня сжимается сердце. Робин была права. Меня действительно приглашали. Неделью назад. Я читаю:

«Как официальный представитель и руководитель школьного родительского комитета, я с большим удовольствием приветствую вас в школе „Ашамс“. Кажется немного необычным тот факт, что вы начали обучение в нашей школе с шестого класса, а не гораздо раньше. Но

мы приложим все усилия, чтобы и вы, и ваша дочь Робин чувствовали себя здесь как можно более желанными гостями. Я устраиваю небольшую вечеринку с легкой закуской во вторник в 7:30 вечера по случаю начала нового семестра. Возможно, вы сочтете возможным к нам присоединиться. Пожалуйста, дайте мне знать, получится ли у вас прийти. С наилучшими пожеланиями, Джулия Бернет».

Я молча протягиваю Робин свой телефон. Она читает письмо и отдает телефон обратно.

– Я же говорила, что тебе присылали приглашение, – восклицает она, улыбаясь. Потом прибавляет: – Вторник. Это же сегодня!

– Хм... неудивительно, что они все на меня так сердиты. Ах, боже мой... – вздыхаю я.

– Скорее напиши ей ответ и скажи, что приедешь. Будет здорово! Вот увидишь, тебе понравится общаться с другими мамами, – говорит Робин.

Я прикусываю язык. И продолжаю просматривать папку «Спам», проверяя, не попало ли случайно туда еще что-нибудь важное. И в этот момент приходит новое письмо. От Джулии Бернет. С того же самого адреса электронной почты, что и раньше. Я открываю сообщение и читаю:

«Сэди. Учитывая, что вы не откликнулись на мое приглашение, я полагаю, что вы не сможете присутствовать на сегодняшней вечеринке. Я не буду больше беспокоить вас дальнейшей перепиской, поскольку вы недвусмысленно дали понять, что чрезвычайно заняты». И подпись: «Джулия».

Я нервно сглатываю. Не очень хорошее начало.

– Тебе надо обязательно пойти, мам. Дейзи, похоже, самая влиятельная девочка в классе, – обращается ко мне Робин, и в ее голосе слышится мольба.

– Но я не могу, – пытаюсь возразить я. – У нас нет няни, тебя не с кем оставить. И потом, мне нечего надеть.

– О, боже! Мне не нужна нянька, – со стоном произносит Робин. – Мне почти одиннадцать.

Когда я вижу, насколько у Робин несчастное и обиженное выражение лица, мое внутреннее напряжение, доходящее до щемящего чувства боли в груди, постепенно проходит. О том, чтобы оставить Робин дома в одиночестве, не может быть и речи. Такое категорическое заявление немного оскорбляет мою дочь, которая считает себя уже вполне взрослой для этого. Но потом она быстро соглашается:

– Ладно, мам. Давай попросим Зору. И ты знаешь, мне ведь будет гораздо проще в школе, если ты начнешь общаться с мамами других девочек. Тогда они перестанут злиться на то, что ты такая недружелюбная.

Прогоняя внезапно возникшую мысль о том, что если другие родители узнают меня поближе, то положение Робин в классе, скорее всего, только ухудшится, я наклоняюсь и обнимаю ее:

– Хорошо. Давай попросим Зору побыть с тобой. Но предупреждаю, что если она не сможет приехать, то я никуда не пойду.

Робин закатывает глаза, а затем снова погружается в свой телефон.

Я пишу сообщение Зоре, которое она сразу же читает. И когда я смотрю, как двигаются на экране серые точки, пока Зора набирает текст, я ловлю себя на мысли, что в глубине души я в определенной степени даже расстроена тем, как быстро она мне отвечает.

«Конечно. Буду у тебя в семь вечера», – приходит ее незамедлительное согласие. Мое сердце сжимается от досады, но я пишу Зоре ответное сообщение с благодарностью и сообщаю Робин, что я пойду на эту вечеринку. Моя дочь радостно улыбается.

Одновременно я подогреваю еду для Робин и пишу ответ на письмо Джулии, пытаюсь найти баланс между оправданием своей природной беспечности – типа, какая я глупая, не проверила папку «Спам» – и извинениями за то, что отвечаю в последнюю минуту. Я смотрю

на адрес ее дома, который она дала в конце письма. Я знаю это место – череда шикарных особняков на Белсайз-парк.

Выбрав из своего гардероба что-то более-менее нарядное, я в спешке начинаю собираться. Сейчас уже почти семь часов, и у меня нет ни времени, ни желания мыть голову. Поэтому я скручиваю волосы в пучок и закалываю на макушке. Затем подхожу к туалетному столику с зеркалом, наношу на лицо тональный крем и консилер. По крайней мере, с макияжем я выгляжу не такой измученной. Еще несколько штрихов, и я готова. На мне джинсы, сапожки и черный шелковый топ. Не слишком официально, но и не слишком повседневно – как раз то, что надо для небольшой вечеринки у кого-то дома.

Я спускаюсь по лестнице, и в этот момент Зора стучится в дверь. Мы проходим на кухню, где Робин делает домашнее задание. Она поднимается нам навстречу и ободряюще обнимает меня на прощание.

– Ты очень красивая, мам, – говорит Робин.

– Да, правда, – соглашается Зора. – Ошеломительно красивая. Ты сразишь там всех наповал.

Эх, если бы я и правда всех там сразила наповал – причем в прямом смысле слова, – это было бы как раз то, чего я в действительности хочу. Но вслух я эту мысль конечно же не говорю. Я молча улыбаюсь им обоим, обнимаю Робин и выхожу за дверь.

8

Я уже опаздываю. Добираться на метро времени нет. Как только я вижу свободное такси, я поднимаю руку и окликаю его. Всю дорогу до Белсайз-парка я смотрю в окно, пытаюсь заглушить свою все более возрастающую нервозность.

– Это здесь, дорогая? – спрашивает таксист, останавливаясь перед длинной чередой роскошных домов с белыми фасадами и парными колоннами по бокам от парадного входа.

– Думаю, что здесь. Спасибо, – благодарю я, расплачиваясь с ним последней двадцаткой из кошелька.

Я делаю глубокий вдох, подхожу к входной двери и нажимаю на кнопку звонка. Ответа нет. Я немного подождала и позвонила снова. Опять ничего. На двери висит большое медное кольцо, и я уже поднимаю к нему руку, чтобы постучать, как вдруг дверь резко открывается. От неожиданности я потеряла равновесие, пошатнулась и чуть было не упала. Вваливаясь внутрь дома, я наткнулась на девочку примерно одного возраста с Робин, одетую в простое красное платье.

– Ой, прости, прости, – забормотала я, выпрямляясь. Хорошо, что я не сбила ее с ног.

– Все в порядке, – говорит она. – Вы приглашены?

– Да. Я приглашена. Мое приглашение в телефоне. – Я начинаю рыться в сумочке. – Тебе показать его?

– Нет, не нужно, – отвечает девочка. – Но мама просила, чтобы я записывала имена всех пришедших.

– У вас на вечеринках бывает много незваных гостей? – смеюсь я.

– Мама считает, что излишняя предосторожность не помешает, – очень серьезно заявляет девочка, и мне становится стыдно, что я ее поддразниваю.

– Мое имя Сэди. Сэди Роупер.

Она берет со столика в прихожей листок со списком гостей и проводит по нему пальцем. Ее щеки слегка порозовели, а растерянное выражение лица нарастает все больше и больше.

– Роупер? Вы уверены? – смущенно спрашивает она.

– Да, я уверена.

Девочка смотрит на меня, потом на список, потом снова на меня. Качает головой. Даже кончик носа у нее порозовел.

– Я не могу найти вас, – говорит она. – Мне очень жаль...

Я достаю телефон и захожу в свой ящик электронной почты. Открываю письмо от Джулии и показываю ей, восклицая с ликованием:

– Вот, посмотри! Я же говорила, что приглашена...

Девочка в недоумении смотрит на письмо, потом снова на список.

– Мама не сказала, что нужно делать, если кого-то нет в списке, – бормочет она в замешательстве.

Я чувствую себя очень виновато и неловко, что ставлю бедную девочку в такое неудобное положение.

– Послушай, я прекрасно понимаю твою маму. Но я думаю, что произошло недоразумение. Это моя вина – я не отвечала на ее приглашение до самого последнего момента, поэтому она, должно быть, решила, что я не приду. Как ты думаешь... – я не успеваю закончить фразу.

Девочка отрицательно качает головой и перебивает меня:

– Я не могу впустить вас в дом. Мама говорила, что...

– Прости, но это же полный абсурд! Это простая домашняя вечеринка. Обычная неформальная встреча родителей одноклассников. Чего можно опасаться? Какие, черт побери,

непрощенные гости могут сюда заявиться и помешать школьной вечеринке? Я показала свое приглашение. Что еще нужно?

Глаза девочки начинают наполняться слезами.

– Ладно-ладно, не волнуйся, я уйду. А завтра сама напишу твоей маме сообщение и все ей объясню, – успокаиваю я ее и поворачиваюсь, чтобы уйти.

Однако, когда я дохожу до конца лестницы, кто-то окликает меня вслед.

– Что здесь происходит?

Это та самая женщина со школьного двора. Высокая блондинка. Худосочная. Собственной персоной хозяйка дома Джулия.

– Эта женщина приглашена, но я не смогла найти ее имя в списке гостей. Я очень сожалею, – бормочет девочка, запинаясь и комкая слова.

Джулия смеется. Она стоит в дверях, приобняв девочку одной рукой за плечи. Девочка вздрагивает от этого прикосновения. Со стороны их поза выглядит как милое проявление любви и нежности. Однако, по всей видимости, эти якобы ласковые объятия были такой силы, что костяшки пальцев Джулии на плече у девочки побелели.

– Мне кажется, ты слишком буквально меня поняла, дорогая. И разумеется, я не говорила, чтобы ты отправляла людей прочь.

– Я очень сожалею... – снова мямлит девочка, и ее щеки уже абсолютно пунцовые от смятения. Это так не сочетается с ярко-красным платьем, в которое она одета. – Я не хотела...

– Это полностью моя вина, – вступаюсь я, стремясь разрядить обстановку. – Ты просто делала то, что велела твоя мама.

Я поднимаюсь обратно по ступеням крыльца. Джулия еще раз сжимает дочь в подобии объятий и отпускает ее:

– Да, правильно. Что ж... Тогда, будь добра, вернись к гостям и наполний бокалы. Их явно не хватает, – обращается Джулия к девочке, которая кивает и сразу же убегает внутрь дома.

Я поднимаю голову и ловлю на себе жесткий взгляд голубых глаз.

– Сэди, – поворачивается ко мне Джулия, и в ее голосе слышатся ледяные нотки.

– Извини, что я вовремя не ответила на твое приглашение, – начинаю оправдываться я. – Твое сообщение попало в папку «Спам». Видимо, от этого и пошли все дальнейшие недоразумения...

Джулия ничего не ответила, повернулась и стремительно зашагала от меня прочь на звук голосов из глубины дома. Торопливым шагом я следую за ней, стремясь не отставать. Мы идем по длинному мраморному коридору в левое крыло особняка. Пересекаем холл, проходим сквозь череду двойных дверей, оставляя где-то сбоку лестницу, ведущую наверх. И наконец оказываемся в огромном парадном зале. Я невольно сравниваю этот шикарный особняк с убогостью дома моей матери. И мне даже становится любопытно, как бы реагировала Джулия, если бы из этого дворца, стены которого украшены позолоченной лепниной, а потолки любой из комнат переливаются блеском хрустальных люстр, ее перенести в мой допотопный дом.

И переливаются золотом здесь не только стены. Прежде чем я успела присоединиться к остальным гостям, передо мной появляется официантка с подносом канапе. Разрезанные пополам перепелиные яйца покрыты слоем красной икры и украшены золотыми листьями. Все вместе это выглядит восхитительно. Я беру два канапе и запикиваю оба себе в рот, после чего замечаю, что поднос с едой практически не тронут. Скорее всего, я единственная на этой вечеринке, кто вообще притронулся к закускам. Я размышляю об этом с нарастающим ужасом и стараюсь побыстрее проглотить доказательства своей жадности. Но делаю это чересчур поспешно и неосторожно. Кусок яйца застревает у меня в горле, я задыхаюсь от кашля, мое лицо краснеет, глаза слезятся.

Я впадаю в панику – от застрявшего в горле канapé я не могу дышать. Кашляя и брызгая слюной во все стороны, я наклоняюсь, пытаюсь как-то протолкнуть этот чертов кусок. Будь оно все проклято! Как такое могло случиться?! В этот момент я получаю резкий сильный удар по спине между лопаток, и яйцо вылетает у меня изо рта прямо на пол. Я выпрямляюсь и пытаюсь отдышаться, вытирая слезы. Щеки пылают от стыда.

– Дамы, дамы, минутку внимания, – елеиным голосом произносит Джулия, появляясь рядом со мной. – Позвольте представить вам нашу новую маму. – Как будто и не было только что этого инцидента с яйцом, хотя официантка все еще на коленях вытирает испачканный пол. – Это Сэди Спенс, мать Робин, которая недавно начала учиться в нашей школе.

Я пытаюсь собраться и выглядеть прилично, но я все еще не полностью оправилась от шока, поскольку всего пару минут назад чуть было не задохнулась. Глаза продолжают слезиться, из носа текут сопли. Теперь, когда я прокашлялась и выпрямилась, никто не предлагает мне салфетку или какую-нибудь помощь. Я даже не знаю, кто именно стукнул меня по спине.

Вокруг меня собираются трое женщин, они стоят и вежливо улыбаются. Я чувствую, как жар постепенно спадает с щек. Вытираю глаза, слишком поздно вспоминая о туши, которую теперь я, должно быть, размазала по всему лицу.

– Мы приложим все усилия, чтобы ты и твоя дочь чувствовали себя в нашей школе, как дома, – говорит Джулия. Ее слова звучат доброжелательно, но меня отчего-то пробирает холодок. Потом она добавляет, поворачиваясь: – Сейчас я тебя со всеми познакомлю.

Остальное происходит как в тумане. Джулия водит меня от одной группы женщин к другой, представляя всех гостей настолько быстро, что они начинают сливаться в моем восприятии в одно лицо. Все одеты очень нарядно. Я понимаю, что ошиблась с выбором одежды на вечер. В глубине души появляется все более нарастающее чувство неловкости.

До недавнего времени мой наряд казался мне одновременно шикарным и в меру сдержанным, но теперь на фоне остальных дам в шелках и парче, грациозно шелестящих по залу, он выглядит дешевым и небрежным. Недавний приступ кашля изрядно растрепал мою прическу, и когда я провожу рукой по волосам, чтобы откинуть назад выбившиеся пряди, я чувствую пальцами, какие они ужасно жирные и грязные.

В зале большая акустика, и так как все вокруг разговаривают одновременно, то практически невозможно расслышать ни имен самих женщин, которые представляются мне, ни имен их дочерей, одноклассниц Робин. В какой-то момент кто-то предлагает мне шампанское, и я с чувством облегчения беру бокал и потихоньку потягиваю его содержимое. Но легкое опьянение, которое я начинаю ощущать, никак не способствует тому, чтобы я запомнила чьи-нибудь имена и разобралась, кто есть кто. Я ставлю бокал на поднос проходящего мимо официанта и вместо шампанского беру стакан воды.

Само собой разумеется, что никто много не пьет. К закускам также почти не прикасаются. Каждая из присутствующих здесь дам стройна и сдержанна, съедает только половинку канapé, а затем элегантно оставляет остальное на краю тарелки или незаметно заворачивает в салфетку. Стоя небольшими группами, женщины с тоской в глазах смотрят на еду, которую постоянно им подносят и предлагают. Потом одна из дам отказывается от угощения и остальные тут же следуют ее примеру. Несмотря на то что я умираю с голоду, я не смею больше рисковать и пытаюсь съесть что-то еще. Последняя, с кем меня знакомят, женщина по имени Джессика.

– Это те, кто занял... хм... свободное место? – спрашивает она у Джулии, не узнавая меня.

– Я бы не... – начинает отвечать Джулия, но в этот момент раздается грохот.

Я подпрыгиваю от неожиданности, когда меня внезапно обливают какой-то жидкостью. Какая-то женщина рядом со мной уронила свой бокал.

– Простите, я такая неловкая, – извиняется она, безуспешно пытаясь промокнуть салфеткой мой влажный рукав.

Джулия уходит, чтобы, возможно, найти кого-то, кто бы мог здесь все прибрать. Джессика переключает свое внимание на меня.

– Немного странно начинать новую школу в шестом классе, – говорит она. – Должно быть, твоя дочь чувствует себя очень некомфортно. К тому же вряд ли она подготовлена надлежащим образом.

Я хлопаю глазами, ошеломленная прямоотой такого высказывания.

– В общем-то, это не входило изначально в наши планы. Но так получилось, что у нас не было другого выбора. И потом, к чему она должна быть подготовлена надлежащим образом? – недоумеваю я.

Джессике, вероятно, немного за сорок. Выражение ее лица неподвижно застывшее, что наводит на мысль о некоторых косметических манипуляциях и подтяжках. Она игнорирует мой вопрос и упорно продолжает гнуть свою линию:

– Вы уже окончательно переехали?

– Последние несколько лет из-за работы моего мужа мы жили в Америке. В Бруклине. Он занимается инвестициями. Но потом... Когда здесь очень неожиданно появилось свободное место, мы переехали, – отвечаю я.

Я знаю, что в моем объяснении полно несостыковок. Но по стеклянному взгляду Джессики во время моего рассказа я понимаю, что ее вся эта история совершенно не интересует.

– Понятно, – мямлит она отсутствующим голосом.

– Я стараюсь делать все возможное, чтобы Робин как можно легче перенесла наш переезд, – говорю я.

– С приближением вступительных экзаменов в старшую школу это будет весьма непросто устроить. Вряд ли она соответствует тем же академическим стандартам, что и остальные девочки в классе. Я надеюсь, что школа не будет выделять слишком много ресурсов, чтобы помочь ей наверстать упущенное, – подытоживает Джессика, изображая на неподвижном лице что-то похожее на улыбку – одними лишь губами, туго растянутыми поверх зубов.

Я обомлела, словно меня только что ошпарили кипятком. Как она посмела такое сказать?!? Вслух же я говорю:

– Моя дочь очень способная в плане учебы. Она была в замечательной начальной школе и хорошо разбирается в математике.

Джессика моргает, ее брови слегка подергиваются. Наверное, она пытается нахмуриться, но ботокс ей этого не позволяет.

– Ну, может быть... Тебе виднее... Последние пару лет мы все занимались серьезной подготовкой наших девочек к экзамену. Будет очень жесткий отбор, знаешь ли. Только на основании того, что кто-то учился в начальной школе, нет никаких гарантий поступления в старшие классы в «Ашамс». Мы все очень обеспокоены этим.

Проходит какое-то время, прежде чем ее слова полностью доходят до моего сознания. Вся наша жизнь сейчас зависит от того, останется ли Робин в «Ашамс». До сих пор я не отдавала себе отчет в том, что ее переход в старшие классы не будет автоматическим.

Просто прекрасно! Вот тебе еще одна вещь, о которой нужно беспокоиться... Я силюсь скривить губы в жалком подобии улыбки. На самом деле мне хочется оскалить зубы. Но прежде чем я успеваю что-то сказать, слышится звяканье вилки о бокал – знак привлечения всеобщего внимания, – и Джулия обращается к присутствующим:

– Прежде всего я хотела бы поблагодарить мою замечательную дочь Дейзи за ее неоценимую помощь в этот вечер. Она отличная официантка и, что более существенно, потрясающий шеф-повар, с которым мы вместе готовили все эти чудесные канапе.

В зале раздаются аплодисменты. Я перевожу взгляд на стоящую рядом с Джулией девочку в красном платье. На ее лице застыла напряженная улыбка, когда мать крепко сжимает ее в объятиях.

Джулия снова начинает говорить:

– Как вы отлично знаете, дамы, несмотря на огромное давление, ожидающее нас в течение последующих нескольких месяцев, мы не должны позволить этому обстоятельству доминировать над всем остальным. Так важно сохранять хотя бы некоторое равновесие и спокойствие ради детей. Они заслуживают нашей полной поддержки и помощи во времена такой серьезной учебной нагрузки и эмоционального напряжения. Мы должны помнить, что, несмотря на приближающийся вступительный экзамен в старшую школу и высокую конкуренцию за места, мы не соревнуемся здесь друг с другом. Нам всем следует сплотиться и работать в команде.

Я не уверена, но мне отчетливо послышалось, что кто-то фыркает у меня за спиной. Когда же я оглядываюсь по сторонам, то все, что вижу вокруг, это ряд вежливых лиц с нейтральными выражениями.

Джулия тем временем продолжает свою речь:

– Итак, в этом семестре у вас будет много шансов стать добровольцами. У нас намечается грандиозная распродажа выпечки, продажа подержанной школьной формы и конечно же Рождественская ярмарка. И, как обычно, для всего этого мне потребуется вся ваша помощь и поддержка. Давайте в этом семестре поставим рекорд по самым высоким сборам благотворительных средств!

Раздается взрыв аплодисментов. Я тоже хлопаю в ладоши, хотя уверена, что Джулия преувеличивает значение вступительного экзамена. Огромное давление? Тяжелые времена? О чем это она?

Ко мне поворачивается Джессика и, возможно, чтобы дать мне шанс искупить свою вину перед Джулией, заявляет:

– Волонтерство пойдет тебе на пользу. Это отличный способ познакомиться с людьми поближе. Я всегда радуюсь тому, что у нас такой активный родительский комитет.

– О, боже, нет! – смеюсь я. – Ненавижу все эти школьные ярмарки. В прошлой школе Робин я так сильно была погружена в общественную деятельность, так много всего делала... Слишком много... Именно поэтому я так отчаянно хочу снова выйти на работу.

Как только я произношу эти слова, то сразу же понимаю, что напрасно это сказала. И то, насколько решительно после моего высказывания Джессика отворачивается от меня и уходит, не оставляет в этом никаких сомнений.

9

Зора – это тот еще подарочек! Она ухмыляется и хихикает все время, пока я ей рассказываю, что произошло на вечеринке. От досады я почти что готова поколотить ее. После такого напряженного и насыщенного вечера во мне все еще бурлит адреналин. Но я заглушаю это желание большим глотком вина, щедро налив себе полный бокал из бутылки, которую Зора открыла еще до моего возвращения и уже пила сама, уютно устроившись за кухонным столом.

Опустошив залпом полбокала, я постепенно тоже начинаю видеть смешное во всей этой истории, и моя злость проходит. Зора все еще выглядит невыносимо самодовольной, и, сделав еще пару глотков, я подсаживаюсь к ней поближе:

– А ну-ка, выкладывай, почему это у тебя такое отвратительно надменное выражение лица?

– Да потому, что все происходит именно так, как я тебе говорила еще до всего этого, – отвечает Зора. – С самого начала было ясно, что к тебе там будут относиться ужасно. Я до сих пор не понимаю, с какой стати ты решила, что отдать Робин в эту школу – это хорошая идея. Мы с тобой ненавидели ее еще тридцать лет назад. Вряд ли она стала в чем-то существенно лучше с тех пор, правда?

– Зора, пожалуйста, не начинай. Ты же знаешь, что у меня не было выбора. И сейчас я действительно не в настроении обсуждать это. Давай поговорим об этом в другой раз, хорошо?

– Да, пожалуйста! Просто это же ты спросила, почему у меня такой самодовольный вид, – хмыкает Зора и откидывается на спинку стула, скрестив руки на груди. – Когда именно мы сможем нормально обо всем поговорить? Ты же приехала сюда не только и не столько ради наследства матери, да? Твоя дочь здесь очень несчастна – это же очевидно. Ты что, ненавидишь ее так же, как твоя мать когда-то ненавидела тебя? Какого черта ты все это делаешь? И что, в конце концов, произошло между тобой и Эндрю?

Я поднимаю глаза на Зору – никогда до этого я не видела ее с таким серьезным выражением лица. Я знаю Зору с детства. Мы с ней постоянно обсуждали любые наши проблемы, я всем всегда с ней делилась. И, наверное, сейчас в первый раз за все эти годы мне не хочется посвящать ее ни в какие детали...

– Почему ты не хочешь мне все подробно рассказать, Сэди?

Я смотрю на свою подругу, и в голове проносятся воспоминания обо всех наших прошлых душевных разговорах. В памяти поочередно всплывают все те моменты, когда Зора уговаривала меня не убегать из дому и сохранять спокойствие даже перед лицом ужасных провокаций со стороны Лидии, моей матери. И все то утешение и поддержку, что я получила от нее, переживая отчуждение и угрозу потери матери в качестве близкого человека, когда Лидия ясно дала понять, что мне придется выбирать между тем, чтобы остаться хоть в каких-то отношениях с ней, с моей собственной матерью, и тем, чтобы самой стать матерью. Я тяжело вздыхаю.

– Я никому не говорила о том, что произошло.

– Я твоя лучшая подруга, Сэди. И тебе хорошо известно, что на меня всегда можно положиться. И я знаю тебя, знаю, что ты за человек – ты бы никогда не разрушила свою семью из-за какой-нибудь мелочи. Должно быть, случилось что-то действительно серьезное. Ты застукала его с кем-то в постели?

Я качаю головой:

– К сожалению, нет. Хотела бы я, чтобы все было так просто. Хотя погоди-ка, по всей вероятности, за моей спиной что-то подобное, должно быть, и происходило. Его поведение было таким странным... Но я ушла от него не из-за этого...

Я делаю еще один большой глоток вина. Я вдруг почувствовала, как отчаянно хочу разделить с кем-нибудь бремя своих переживаний. Несмотря на тот животный ужас, который все еще дремлет в глубине души и периодически поднимается на поверхность сознания.

Зора смотрит на меня скептически:

– Эй, но ведь речь идет об Эндрю. Об Эндрю – самом надежном и преданном человеке на планете, выросшем в неблагополучной неполной семье и всегда мечтавшем о крепком браке...

– Да, именно так о нем все и думают.

– Слушай, я вовсе не пытаюсь его обелить. Давай выкладывай, что же он натворил.

Мне становится не по себе, я начинаю ерзать на стуле. По крайней мере, я могу рассказать, как все началось, убеждаю я себя.

– За последние пару лет он все больше и больше от меня отдалялся. Я не могу точно вспомнить, когда впервые я это почувствовала – после смерти матери у меня было тяжелое время.

– Да уж... Я помню, – хмыкает Зора, выражая таким странным образом свое сочувствие.

– Я видела, что творится что-то неладное, но не могла понять что именно. По ночам Эндрю часами разговаривал с кем-то по телефону, запираясь в своем кабинете. Он больше не оставлял свой телефон без присмотра, как раньше, теперь всегда носил его с собой. А потом он вообще перестал обращать на меня внимание.

– Как так?

– Он полностью перестал меня замечать, прекратил смотреть на меня. Два года назад, после смерти Лидии, когда всплыли условия ее завещания, мы с ним крепко поссорились. Он считал, что мы обязательно должны выполнить ее требование, чтобы получить наследство. Я сказала «нет». Но он был настолько невыносим, что в конце концов я сдалась и даже позвонила в «Ашамс». Там, разумеется, никаких свободных мест не было и в помине, как я тебе уже рассказывала. И вот вскоре после этого Эндрю перестал смотреть мне в глаза. Как будто я прекратила свое существование.

– Как это? Я ничего не понимаю... – растерянно бормочет Зора.

– Последние два года Эндрю отказывался смотреть на меня, он не видел меня в упор. Он будто покрылся непроницаемым стальным панцирем. На поверхности безукоризненно вежливый, безусловно услужливый, выполняющий все свои обычные обязанности. Но внутренне я перестала для него существовать.

Зора молчит.

– Вот видишь, я знала, что ты не поймешь.

Зора продолжает сидеть, не проронив ни слова.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – с любопытством спрашиваю я.

– Даже и не знаю, что тут скажешь, – отстраненно говорит Зора. – Он объявил тебе бойкот? Вот что между вами происходило?

– Нет. Не бойкот. Он разговаривал со мной. Точнее, он что-то говорил мне. Просто ему особо нечего было мне сказать. Все наши разговоры были такие бессмысленные. Чисто на бытовые темы: какие-то повседневные нужды, покупка продуктов... Ничего существенного.

– Но он все-таки разговаривал с тобой? – уточняет Зора.

– Да, разговаривал. Но его как будто уже не было со мной. Он был где-то далеко... Я пыталась, Зора. Правда. Старалась как-то это изменить. Перепробовала все. Устраивала, как в юности, романтические свидания, готовила изысканные блюда, пару раз даже пыталась соблазнить его...

Я замолкаю, краснея от стыда. Начинаю вспоминать, как он тогда почти что даже смотрел на меня, со смиренной добротой протягивая мне халат, чтобы я прикрылась. А потом он просто отвернулся и вышел.

– О боже, ты хочешь сказать, что вы перестали трахаться? – восклицает Зора.

Я делаю глубокий вдох и киваю:

– Да. Я списывала это на нервную обстановку у него на работе. На давление и усталость... Потом начались эти длительные ночные звонки... я тоже пыталась убедить себя, что они все так или иначе связаны исключительно с его работой. Но потом... – Я делаю паузу. – Потом он несколько раз не пришел ночевать.

– И что же? – Зора делает глоток, другой, внимательно слушая.

– Я решила за ним проследить. Я отправила Робин ночевать к подружке и стала караулить Эндрю возле работы. Дождалась, когда он выйдет из офиса, и незаметно пошла за ним следом. Это случилось буквально на прошлой неделе.

– И что? Ты их видела? – доносится до меня будто сквозь туман голос Зоры.

Я смотрю на нее, но вижу кого-то другого. Я вижу Эндрю – его затылок, наклон плеч. Как он идет впереди меня, спускается в метро, доезжает до конечной станции. Потом торопливо поднимается по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, словно не может дождаться, когда доберется до места встречи. Я вижу, как ярко выделяются на фоне дождливого серого дня блестящие волосы блондинки, ждущей его под козырьком у входа в магазин.

Я выхожу из плена своих воспоминаний и снова возвращаюсь в комнату к Зоре, утвердительно кивая головой на ее вопрос. Она больше ни о чем не спрашивает.

– Значит, у него роман, – говорит она решительно. – А тебе действительно нужно было уезжать? Может, тебе следовало остаться и высказать ему все в лицо?

Я мрачно смотрю на нее:

– Я так и сделала. Я и в самом деле высказала ему все, что о нем думаю.

– И как же он на это отреагировал?

– Он засмеялся, Зора, – отвечаю я. – Он просто посмеялся надо мной. А потом ушел из дома. Исчез на пару часов. И отключил свой телефон. А когда вернулся, мне показалось, что он стал совершенно другим человеком. Как будто кто-то чужой за это время вселился в его тело.

Даже теперь, рассказывая это Зоре, я ощущаю холод, которым веяло тогда от него. Я вижу в его глазах этот ледяной отчужденный взгляд, изучающий меня, будто незнакомку. Впервые за последние пару месяцев мы встретились глазами, и я невольно съежилась от того презрения, которое исходило от него.

– Да, я трахаюсь кое с кем на стороне. И я хочу, чтобы ты ушла. Если ты не уедешь в эти выходные, захватив с собой Робин, то я отвезу и сдам ее в такие места, откуда не возвращаются. И ты никогда ее больше не увидишь.

Я делаю глубокий вдох и повторяю его слова Зоре.

– Да ладно тебе, – машет она рукой. – Это какой-то бред. Он не смог бы такого сделать.

– Может быть... – тихо говорю я. – Но я ему поверила. И я ничего не смогла бы сделать. Он показал мне прямо на следующий день, на что он действительно способен. Кое-кто с его разрешения забрал Робин из школы – блондинка, как мне потом сказали. Она отвезла Робин к Эндрю, и он где-то продержал ее несколько часов безо всякой связи с внешним миром. Оба их телефона были выключены. Никто их не видел, никто не знал, где они. Я просто сходила с ума.

– Звучит довольно скверно, – соглашается Зора.

– Это был самый ужасный день в моей жизни, – продолжаю я. – Ты, наверное, думаешь, что, когда она вернулась домой целой и невредимой, я была на седьмом небе от счастья. Но это был едва ли не самый пугающий момент всего вечера. Он убедил ее, что все, что произошло, это совершенно нормально. Что это было просто такое развлечение и вечерний поход в кино. Он ведь даже убедил ее выключить свой телефон, чтобы не мешали никакие звонки. И когда Робин, такая счастливая и довольная, появилась дома, вприпрыжку вошла в комнату, то я не смогла сказать ничего из того, что собиралась. Я не хотела пугать ее. Именно тогда я поняла, что имею дело с чем-то таким... возможность чего я прежде совершенно не осознавала и не допускала... Как раз в это самое время неожиданно появилось свободное место в «Ашамс»

для Робин. А значит, появился и этот дом... Теперь ты все еще сердишься на меня за школу и обвиняешь за то, что мы сюда приехала? – закончила я свою историю.

Зора смотрит на меня с минуту, потом тихо вздыхает:

– Я думаю, ты могла бы поставить его на место. Тебе следовало дать ему отпор. Но в то же время... Наверное, это было действительно ужасно – не знать, где находится твой ребенок...

Я вздрагиваю, вспоминая, как я сломя голову бежала из школы, когда поняла, что Робин пропала. Как я снова и снова набирала оба их телефонных номера. Какие жуткие картины рисовало мое воображение при мысли о том, что могло с ней случиться.

– Все было задумано и спланировано таким образом, чтобы мы оказались здесь. И вот еще что: он весь тот вечер рассказывал Робин о предстоящем переезде в Великобританию как о замечательном приключении, которое непременно случится, причем очень и очень скоро. Он ей внушил, что уже все решено и что мы оба этому рады. Поэтому когда она вернулась, то мысль о переезде уже прочно засела в ее сознании. И она с этим смирилась. Что мне оставалось делать? Я же не могла сказать ей, какой на самом деле ублюдок ее отец. Вот это все и стало для меня последней каплей. Я терпела его целую вечность. Но больше не могу. Нет уже никаких сил на это. Для него у меня больше нет ничего.

Зора продолжает задумчиво на меня смотреть:

– Но в этом ведь абсолютно нет никакого смысла. Почему он так себя повел?

– Я понятия не имею, Зора. Серьезно. Не имею ни малейшего представления. Он изменился так сильно, ты не можешь себе даже представить. Теперь это абсолютно другой человек, не тот, за которого я когда-то выходила замуж.

Я стою прямо напротив Зоры и смотрю ей в глаза, но она отводит взгляд.

– Ты тоже не смотришь на меня, – удивляюсь я, ожидая ее реакции.

Но Зора по-прежнему избегает встречаться со мной глазами.

Атмосфера между нами незримо накаляется. Она вздыхает, откидываясь на спинку дивана. Я отворачиваюсь от нее и принимаюсь откупоривать вторую бутылку вина. Обратно я поворачиваюсь только тогда, когда мне удастся полностью взять себя в руки и выражение моего лица снова под контролем. Я наполняю доверху ее бокал из новой бутылки и наконец присаживаюсь рядом.

– Ладно, – говорит Зора. – Давай лучше сменим тему. Кажется, у меня для тебя есть работа.

Все мое раздражение и неприязнь тут же исчезают.

– В самом деле?

– Да... Скоро будет суд – дело о сексуальном домогательстве в школе в центральном районе Лондона. Учитель-мужчина обвиняется в домогательствах к своей ученице. Он – сын судьи, и они платят хорошие деньги. Дело ведет королевский юрисконсульт Барбара Карлайл. Помнишь ее?

– Да, помню. Я даже встретила с ней на днях, когда заходила насчет работы в свою бывшую контору, – говорю я. – Хоть я и стояла, не поднимая головы, но она меня узнала.

– А, понятно. Нам там по этому делу выдали целую кучу новых улик, которые нужно перепроверить. Само по себе дело достаточно простое, но кто-то должен во всем этом как следует покопаться. И это будет явно не Барбара. Я уже было собиралась договориться с кем-нибудь в офисе, чтобы кто-то взялся изучать материалы дела, но она согласилась, что было бы полезно нанять младшего адвоката, так что...

Моя готовность стукнуть Зору моментом переменилась на желание ее крепко обнять, что я тут же и сделала, случайно разлив вино из ее бокала себе на блузку.

– Когда мне начинать? – тут же интересуюсь я.

Зора смеется:

– Я так понимаю, что ты согласна?

– Да. Конечно же согласна, – говорю я с воодушевлением. – Я с удовольствием возьмусь за это. Вопрос только в том, в каком суде будет слушание дела. Я пока еще не пристроила Робин в группу продленного дня после школы.

– Слушай, вы только что переехали в другую страну, – говорит Зора. – Сделай хоть небольшую передышку, успеешь еще все устроить. Суд будет проходить здесь же, во Внутреннем Лондоне. Здание суда находится прямо на Северной линии метро недалеко от станции Элефант-энд-Касл. Не волнуйся, все будет в порядке. Я точно не знаю, когда именно ты им понадобишься. Завтра я разошлю все инструкции по этому делу, а потом Барбара уже сама свяжется с тобой, когда посчитает нужным. Хотя, думаю, это произойдет довольно скоро. Там слишком много материала для изучения.

– Я у тебя в долгу, – говорю я. – Вот теперь действительно в большом долгу. Мне не терпится поскорее вернуться в зал суда. Я так соскучилась по работе.

– Да, тебе явно пора вернуться. Знаешь, это просто ужас какой-то, что все вы, женщины-адвокаты, сразу же бросаете работу, как только у вас появляются дети.

– Ну, ничего удивительного в этом нет. С детьми никак не получится нормально работать, – резонно заявляю я. – Когда появляется ребенок, уже нельзя вот так все бросить и по первому зову запросто поехать на пару недель за тридевять земель, чтобы там участвовать, скажем, в процессе по делу о перестрелке в Ноттингеме. Разве я смогла бы так сделать? Эндрю бы навряд ли бросил свою работу, чтобы сидеть дома с ребенком.

– Да, наверное, ты права, он бы не бросил, – соглашается Зора. – Как бы то ни было, я рада, что ты опять вернулась к юридической практике. Я с нетерпением жду возможности снова поработать с тобой.

– Да, я тоже, – отвечаю я, и снова ее обнимаю, на этот раз уже не проливая вино.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 9:35

Еще один ночной кошмар. Надо мной, клубясь до самого горизонта, нависло нечто бесформенное и непонятное, но определенно ужасное и дико пугающее...

Я просыпаюсь и с большим трудом открываю глаза. Ночной кошмар постепенно развеивается. Пью кофе, принимаю душ. Но внутри меня все дрожит и судорожно дергается. Разве они не должны были мне уже позвонить? Разве Робин не пора быть дома? Я определенно хочу, чтобы она уже была дома. Совершенно определенно. Без нее в доме слишком тихо.

Наливаю себе еще одну чашку кофе. Я вся на нервах, как на иголках. Ах, вот бы была такая кнопка в телефоне, нажав на которую я бы тут же на экране увидела, где она находится, все ли с ней в порядке... Но такой кнопки нет.

К тому же я не хочу быть одной из этих матерей-истеричек. Я абсолютно не желаю становиться эдаким чрезмерно опекающим своих детей родителем. Никакой скрытой слежки за ребенком, никаких трекеров местоположения и прочих специальных программ. Это все не для меня! Я не позволю тому жуткому и так напугавшему меня инциденту недельной давности с временным исчезновением Робин разрушить мои с ней доверительные отношения. А также уничтожить мое душевное спокойствие. Не позволю!

То была просто шутка, просто глупая шутка Эндрю... Во всяком случае, я попытаюсь себя в этом убедить... А пока я, как кошка на раскаленной крыше, мечусь из угла в угол, из комнаты в комнату. Пустота в доме слишком давит на меня, тишина – невыносимо громкая...

Как только она снова окажется дома, я больше никогда не спущу с нее глаз. Всегда буду знать, где она, что с ней. Установлю любые приложения для определения координат – какой-нибудь трекер, семейный локатор типа «Лайф-360» или «Найди моих друзей». Если получится ее уговорить, то имплантирую ей в руку специальный электронный чип...

Время замедлило свой ход. Оно течет невыносимо медленно, что бы я ни делала, как бы себя ни отвлекала. Я достаю свой телефон, но, подержав его в руке, кладу обратно. Еще рано. Слишком рано. Еще не время для того, чтобы начать беспокоиться. Теперь уже никогда не настанет время, когда мне придется беспокоиться. То, что случилось тогда, больше не повторится.

Сейчас совсем другая ситуация. Робин прекрасно провела выходные и спокойно возвращается домой. Все хорошо. Где-то за окном протяжно замяукала кошка. Я, будто ужасенная, подпрыгиваю со стула и продолжаю расхаживать по комнате из угла в угол, от одного окна к другому. Я все жду, и жду, и жду...

10

– Ты подавилась кусочком яйца? – чуть позже в то же самое утро спрашивает меня Робин, когда мы сели в автобус, направляясь в школу. – И все остальные, кроме тебя, были в роскошных вечерних платьях?

– Да, – отвечаю я. – Но тебе не обязательно тыкать мне этим в нос.

– Ой! – растерянно и простодушно восклицает Робин.

Я от души рассмеялась. «Ой» – это самый лучший ответ. И впервые за все это время я не переживаю так сильно за все свои промахи и неудачи на той злополучной вечеринке.

– А у Дейзи и вправду хороший дом?

– Да, дом у них просто замечательный. Я же тебе уже обо всем этом рассказывала, – говорю я с легким раздражением.

Я, конечно, чувствую себя гораздо лучше по поводу всего случившегося в тот вечер, но мне совсем не хочется застревать на этом событии.

– А с кем ты там говорила? – интересуется Робин.

– Я точно не знаю. Было названо так много имен. С кем-то по имени Джессика.

В тот же миг меня пронзает острая, почти физически ощутимая боль от воспоминания о том презрении, с которым Джессика говорила о моей дочери.

– Наверное, это мама Поршии, – говорит Робин. – Поршия – одна из той группы девочек в школе.

– Понятно, – говорю я, запоминая это имя.

Я отчаянно нуждаюсь в любой информации о школьной жизни своей дочери, но не желаю ей показывать свою крайнюю заинтересованность в этом.

– А что это за группа такая? – спрашиваю я, ожидая, что Робин, скорее всего, сильно рассердится на то, что я лезу в ее жизнь, и ничего мне не ответит. Однако, вместо того чтобы осадить мое чрезмерное любопытство, она на мгновение задумывается, а потом вдруг сообщает:

– Это те девочки, которые решают, кто где сидит и кто с кем общается.

– Но ты не можешь позволять другим людям указывать, что тебе делать! – Эти слова сами собой слетают с моего языка прежде, чем я успеваю остановиться.

– Ох, мам... – восклицает Робин, закатывая глаза и отворачиваясь.

– Но я серьезно тебе говорю. Не может быть такого «Центрального комитета», который бы решал, с кем общаться и дружить, а с кем – нет. Такого просто не бывает. Нужно обязательно поговорить об этом с администрацией школы, – делаю я вывод.

Внезапно я совершенно четко начинаю себе представлять, что там происходит.

– Они что, запрещают другим девочкам разговаривать с тобой?

Мое дыхание учащается, я чувствую, как во мне закипает ярость, паническое состояние нарастает. Робин молчит. Она по-прежнему избегает встречаться со мной взглядом.

– Робин, посмотри на меня. Они запрещают другим девочкам разговаривать с тобой?

– Пожалуйста, обещай, что не пойдешь в школу.

Ее тон настолько умоляющий, что я сдаюсь. Дальше мы молчим всю дорогу, ничего не обсуждая, и так подходим к самому зданию школы. Робин уходит внутрь, не оглядываясь и даже не попрощавшись.

Я стою возле школы, хлопая глазами, не зная, что и делать. В глубине души поднимается волна сильного беспокойства. Я достаю из кармана телефон в надежде увидеть новое сообщение из адвокатского бюро о предстоящем судебном слушании. Но тут мимо проходят две женщины, одна из которых неожиданно хватая меня за локоть, и телефон падает у меня из рук.

Когда я наклоняюсь, чтобы поднять его, я слышу, как одна из этих женщин хихикает, а другая шикает на нее. Я разгибаюсь и кладу телефон в карман, готовая разразиться руга-

тельствами. Обе женщины поворачиваются ко мне лицом. Одна из них – та самая Джессика с вечеринки.

– На завтра у нас запланирована утренняя встреча за чашкой кофе. Мы будем обсуждать в том числе подготовку к Рождественской ярмарке, – заявляет она. – Однако я полагаю, что тебе это не будет интересно, поскольку ты ненавидишь всю эту общественную деятельность.

Женщина рядом с Джессикой снова хихикает. Я чувствую, как у меня к щекам приливает румянец. Я уже собираюсь послать их черту, но тут вспоминаю о Робин, и мне в голову приходит одна идея. Я знаю, ей было бы приятно, если бы я поучаствовала в каких-нибудь школьных проектах.

– Я обязательно приду. Где пройдет встреча?

Джессика и ее подруга явно не ожидали такого ответа.

Они переглядываются, подняв от удивления брови.

– Я сообщу тебе по электронной почте, – отвечает Джессика. – Вообще, это мило с твоей стороны. Потому что иначе получается очень несправедливо, что Джулия должна все делать сама.

И, не сказав больше ни слова, обе женщины разворачиваются и уходят. Еще какое-то время я стою возле школы, приходя в себя. Руки крепко сжаты в карманах. И только теперь я почувствовала острую боль в ладони. Должно быть, стекло моего телефона все-таки разбилось. Я вынимаю руку из кармана – на ладони небольшой порез, только и всего. Я говорю себе, что я должна быть более собранной и аккуратной.

К тому моменту, когда я закончила уборку в доме и забрала свой телефон из ремонтной мастерской, уже почти что настало время забирать Робин из школы. Я надеваю пальто, готовая выйти из дома, и в этот момент зазвонил телефон.

– Мисс Роупер? Это Кирстен Глинн из Судейской палаты, – слышу я в трубке.

– Да, это мисс Роупер. Привет, Кирстен.

Наступила небольшая пауза.

– Теперь все детали улажены, мисс. С нами на связь вышла Зора Гонт. Не знаю, известны ли вам все подробности, но вы будете младшим адвокатом на процессе, который ведет королевский юрисконсульт Барбара Карлайл. Помните ее? Вы с ней работали еще во времена вашей адвокатской практики.

– Да, я помню ее, – отвечаю я, чувствуя, как спадает мое напряжение, сгорбленные плечи опускаются и расправляются. Я расслабляюсь... По крайней мере, хоть что-то идет так, как надо.

– Предстоит слушание по делу о злоупотреблении доверием. Барбара выступает на стороне защиты учителя, обвиняемого в сексуальном домогательстве к своей ученице.

– Сколько лет ученице? – спрашиваю я.

– Семнадцать, – отвечает Кирстен. – Барбара планировала провести этот процесс полностью самостоятельно, но по мере продвижения дела появилось много дополнительных материалов, и кто-то должен их все просмотреть. Это интересный случай. Можно начинать прямо со следующей недели.

– Да, я немного в курсе дела. Зора в общих чертах просветила меня. Звучит отлично.

– Вот и хорошо. Вы сможете прийти завтра утром? Скажем, в районе десяти?

– Да. Конечно смогу. Увидимся завтра, – говорю я.

Я триумфально восседаю за кухонным столом, с ликованием смакуя свою победу. Наконец-то у меня есть работа. Мне предстоит участвовать в настоящем судебном процессе. Я собираюсь снова вернуться к адвокатской практике. За этим делом последуют новые дела и клиенты. Может быть, все наконец встанет на свои места.

Такие жизнеутверждающие мысли роятся в моей голове весь остаток дня – момент встречи Робин из школы, дорога домой, наш обычный ужин из макарон с томатным соусом. Все это проходит на позитивном фоне. Я даже относительно легко переживаю молчание Робин, которое длится весь вечер. Я ни о чем ее не спрашиваю, заметив, что она стремится избежать любых разговоров и расспросов о своем дне. Я даже смиряюсь с тем, что она уединилась в своей комнате, появившись внизу только для того, чтобы быстро взять себе какой-нибудь еды и снова исчезнуть наверху. Я знаю, что должна попытаться поговорить с ней, но она так явно хочет, чтобы ее оставили в покое, что у меня пока что не хватает духу разобраться со всем этим.

Я стою перед закрытой дверью ее комнаты и слушаю, как она болтает в чате Фейсбука со своими старыми школьными друзьями. До меня доносятся ее тихое щебетание и редкий смех. И когда я слышу эти успокаивающие мое издерганное сознание звуки, тревога в душе постепенно растворяется. Но весь позитив и умиротворение сегодняшнего дня мигом покидают меня, когда поздно вечером я открываю письмо от Джессики. Она оповестила меня, что завтрашнее собрание за чашкой кофе состоится в 8:30 утра в отдельном зале кафе «Марше».

«Мы будем обсуждать Рождественскую ярмарку и другие ближайшие мероприятия, приходите со своими идеями и предложениями!» – сообщалось в письме.

Собрание в 8:30 утра. В адвокатском бюро меня ждут к десяти. Просто удивительно! До этого момента у меня практически не было никаких особых дел, занятий или встреч – ничего, кроме того, чтобы сопровождать бедняжку Робин в школу и обратно. Зато теперь, когда мне начинает казаться, что все вот-вот наладится, я должна быть в двух местах одновременно. Я на минуту обхватываю голову руками, но потом распрямляюсь и встряхиваюсь.

Это не проблема. Я могу забежать на утреннюю встречу в кафе минут на двадцать, предложить свою кандидатуру для любой работы на этой ярмарке – например, продавать что-нибудь с ларька или чем там занимаются родители, – а потом быстро добраться на метро и успеть в контору вовремя. Или я могу заранее позвонить в контору и предупредить, что буду позже. Барбара, я думаю, не будет возражать. Это ведь пока что не судебное заседание. Все будет хорошо. Я почти что заверила сама себя в этом.

Но тем не менее этой ночью я практически не спала, разрываясь от нервного беспокойства и тревоги и бесконечно прокручивая в мозгу вероятные сценарии развития событий завтрашнего дня. В четыре часа утра, когда я практически полностью убедила себя в том, что все будет хуже некуда – другие матери в кафе просто выставят меня на посмешище, после чего Барбара и Кирстен свяжут меня по рукам и ногам и выкинут из адвокатского бюро с криками: «Ты опоздала!!!», – я уже отказалась от мысли поспать. Завернувшись в одеяло и уставившись в одну точку на стене, я просидела остаток ночи в гостиной на жестком диване, пока не пришло время будить Робин.

11

Сегодня по дороге в школу Робин явно более словоохотлива. Я стараюсь тщательно подбирать слова и не задавать неудобных вопросов, которые могли бы расстроить ее хрупкую психику. Хотя большая часть из всего сказанного ею относится к ее старой школе и бывшим одноклассникам, а не к нынешнему окружению, я все равно рада, что она немного повеселела.

Вообще удивительно, как легко дети умеют приспосабливаться. Я замечаю, что даже речь Робин начинает меняться – американский акцент исчезает, она все реже использует сленг и всякие словечки из ее прежней школы. На этот раз Робин наклоняется чуть ближе к моей руке, чем обычно в автобусе. И я тоже слегка наклоняюсь к ней в ответ, хотя и не слишком сильно, изо всех сил стараясь сохранить это хрупкое равновесие и возникший между нами контакт.

Когда автобус подходит к нужной остановке, я встаю первой, Робин следует за мной. Автобус останавливается, и она берется за поручень прямо перед моим лицом. Сначала я не замечаю ничего необычного, но потом мой взгляд случайно упал на ногти Робин. Обкусанные до мяса, рваные и окровавленные по краям, как будто она сдирала кожу и пыталась нарочь их вырвать...

Я протягиваю руку и накрываю ее пальцы ладонью, стараясь не показывать, что заметила что-то странное. Она вздрагивает, а когда автобус наконец останавливается, тут же отдергивает руку. Мы выходим из автобуса, и Робин быстро убегает в здание школы, опять не оглядываясь и не прощаясь. Между нами снова выросла стена.

Я вздыхаю и с ужасом в душе направляюсь в сторону кафе на встречу с мамашами из родительского комитета. Вот я уже сижу в отдельном зале на задворках того самого кафе, ковыряясь в круассане, который взяла из огромной кучи угощений, разложенных на подносах на большом деревянном столе. За столом сидят женщины, которых я наполовину узнаю по той злосчастной вечеринке, хотя и не помню многих имен. Моего имени они тоже явно не помнят. Да и вообще всего пара человек поздоровалось со мной, когда я пришла.

Джулия и Джессика – единственные, кого я знаю точно. Они все время суетятся вокруг тарелок с выпечкой, постоянно что-то переставляя, меняя местами и красиво заполняя любые пробелы на столе. Не то чтобы нужно было что-то заполнять – никаких новых пустых мест на подносах с угощениями не появляется, потому что, как и на той вечеринке, я – единственный человек, который хоть что-то ест. Эти две женщины, не перестающие ни на минуту суетиться, что-то негромко обсуждают между собой. Я сижу довольно близко к ним, но, как ни стараюсь расслышать, о чем именно они переговариваются, не могу разобрать ни слова. В какой-то момент мне кажется, что они явно о чем-то спорят – лицо Джессики краснеет, губы поджаты, а Джулия говорит подчеркнуто выразительно, хотя ее слова по-прежнему неразборчивы.

Я беспомощно улыбаюсь каждый раз, когда кто-нибудь смотрит в мою сторону, с надеждой, что на меня обратят внимание. Но взгляды всех присутствующих скользят сквозь меня, как сквозь пустое место. С деловым видом я достаю телефон, чтобы совсем уж не выглядеть как пятое колесо в телеге, и смотрю на часы. Уже без двадцати девять.

Я прочищаю горло, собираясь с духом:

– Извините... Простите, что прерываю. Мне просто хотелось бы узнать... Начнется ли наше собрание в ближайшее время? Я только...

Мне не дают договорить.

– Мы ждем остальных.

– Остальных?

– Да, еще должны подойти несколько человек. Так что извини, если мы отвлекаем тебя от чего-то более важного, – заявляет Джулия ироничным тоном.

– Крайне необходимо, чтобы все были в сборе, – вторит ей Джессика. – В этом году нам нравится все делать вместе.

– Да-да, конечно, – безропотно соглашаюсь я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно более мирно и дружелюбно.

Но, видимо, мне не слишком это удастся. Джессика выглядит крайне раздраженной. Скривив губы и скрестив руки на груди, она пристально смотрит на меня еще какое-то время, но вскоре ее внимание переключается на какое-то движение около двери.

– А вот и они, – торжественно провозглашает она.

Только что пришедшим дамам предлагается выпечка, от которой они немедленно отказываются.

Джулия откашливается и берет в руки планшет:

– Сначала о главном. Я предлагаю сделать абсолютным правилом всех наших встреч то, что мы не будем касаться никаких вопросов, связанных с тем ощутимым давлением, с которым нам всем приходится сейчас иметь дело. Нет ничего важнее, чем сохранить согласие и сплоченность ради спокойствия наших детей. Надеюсь, мы договорились насчет этого?

Слышится шепот одобрения и согласия. Я осторожно смотрю на часы в своем мобильном телефоне – остается пятнадцать минут до того момента, когда мне необходимо будет уйти.

Джулия продолжает:

– Как я уже говорила на вечеринке во вторник, в этом году на Рождественской ярмарке нам предстоит побить рекорд по сбору средств. Мы должны очень упорно потрудиться, чтобы гарантированно добиться этого результата.

И снова гул одобрения доносится из-за столов, головы с безупречно уложенными прическами закивали в унисон. Но прежде, чем Джулия успевает продолжить, ее перебивают вопросом:

– Простите, на нашем собрании присутствует новый родитель? У нас здесь кое-кто есть, кого я не узнаю.

Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на сказавшую это даму – миловидную ухоженную женщину с осветленными в модный медовый оттенок волосами, одетую в спортивный топ и обтягивающие легинсы из плотной лайкры. Она выглядит слегка обиженной. Никто ей не отвечает. И тут я начинаю осознавать, что речь идет обо мне. Взгляды всех присутствующих устремлены на меня. Я ерзаю на стуле, испытывая дискомфорт от всеобщего пристального внимания, и жду, когда Джулия представит меня. Но ничего подобного не происходит. Я пытаюсь отсидеться и переждать эту неловко затянувшуюся паузу, но напряжение становится невыносимым, и я не выдерживаю.

– Меня зовут Сэди. Робин – моя дочь. Она недавно начала здесь учиться, – говорю я, и под конец фразы мой голос становится противно скрипучим.

– Как вы получили это место? Это все из-за...

Со всех сторон послышалось напористое шиканье, и голос замолчал. Я не вижу, кто задал этот вопрос.

– У меня... у нас произошли большие изменения в жизни. Я переехала в Лондон вместе с Робин. Мы позвонили в школу, и оказалось, что есть одно свободное место. Все это случилось очень быстро, за считанные часы, – говорю я, как бы оправдываясь. – И я понятия не имею, почему это место было свободно. Наверное, потому, что люди переезжают и меняют место жительства. – Я заканчиваю, оглядывая внимательно наблюдающие за мной лица присутствующих.

– Да, наверное, так оно и есть, – говорит Джулия. – Мы можем, пожалуйста, вернуться к нашему обсуждению? – Она рисует на лице подобие улыбки. – Мы решили, что темой ярмарки в этом году будет... фраза из припева известной рождественской песни «Бубенцы звенят!». Как ее обыграть, пусть решит и придумает каждый владелец ярмарочного киоска самостоятельно.

За столами началось волнение и шушуканье.

– А я, как обычно, буду распределять киоски среди родителей учениц в зависимости от класса. И в свое время ознакомлю всех со списком. Также в качестве нововведения я обдумываю включение в конкурс маскарадных костюмов новой категории для родителей.

Оживление в зале становится более заметным.

Должно быть, уже почти девять. И Джулия явно только где-то посередине своей речи. Я чувствую себя, как загнанный в ловушку зверь. Конечно, гораздо важнее, чтобы я вовремя попала в адвокатское бюро. Но и с этими дамами из родительского комитета у меня уже и так сложились достаточно натянутые отношения. Вряд ли они нормально воспримут мой уход посреди встречи.

Я опять вытаскиваю телефон, чтобы еще раз проверить время, когда замечаю, что в комнате воцарилась какая-то странная тишина. Я поднимаю глаза и встречаю недовольный взгляд Джулии, устремленный прямо на меня.

– Никаких телефонов, пожалуйста. Во время наших встреч действует строгий запрет на пользование телефонами. Убери его, пожалуйста, – обращается ко мне Джулия с очень милой улыбкой на лице, но с такой внутренней силой, что я немедленно делаю именно то, о чем она говорит, убирая телефон поглубже в карман куртки. Джулия одобритительно кивает и продолжает свою речь: – Что нам необходимо сделать в ближайшее время, так это определиться с призами для розыгрыша, а также найти добровольцев, которые возглавят каждый ярмарочный киоск. Формируйте, пожалуйста, списки людей. Сможете подать их мне к концу недели?

Головы снова дружно закивали, а руки торопливо стали что-то записывать в блокнотах.

– Сэди, ты сможешь координировать розыгрыш призов? – вдруг обращается ко мне Джулия. – Это достаточно простая обязанность. К тому же, у тебя появится возможность познакомиться и пообщаться со многими родителями и учителями в школе.

– Нет-нет, я не могу. – Слова сами слетают с языка прежде, чем я успеваю их проглотить.

Вот тебе и попытка произвести хорошее впечатление. Все снова оглядываются на меня, пронзая взглядами. Джессика, уже до этого пребывавшая не в духе, когда услышала такие слова от Джулии, буквально подпрыгнула на своем стуле и нервно завопила:

– Но ведь это я должна была быть координатором розыгрыша! Я уже придумала несколько фантастических идей по этому поводу.

Я пытаюсь улыбнуться и робко говорю:

– Да-да, Джессика была бы намного лучше меня в этом деле. У меня нет ни малейшего представления, что надо делать и к кому обратиться.

Джулия смотрит на меня, потом на Джессику, и на ее лице появляется задумчивое выражение.

– Джессика, я надеялась, что ты возьмешь на себя ответственность за координацию работы всех ярмарочных киосков – в прошлом году у тебя так отлично получилось это все организовать. Может быть, ты поделишься своими идеями с Сэди и она попробует их реализовать? – Говоря это, Джулия смотрит на Джессику, которая явно разрывается между восторгом от комплимента и яростью, что мне предложили работу, о которой она мечтала.

Она бросает на меня злобный взгляд и кивает в знак согласия.

– Вот и хорошо. Значит, мы договорились, – заключает Джулия, переходя к следующей задаче, как будто лично мое участие в данном проекте было уже делом решенным и никакого дополнительного подтверждения с моей стороны не требовало.

Я на мгновение задумываюсь, как мне поступить, чтобы это не выглядело излишне агрессивно и недружелюбно. Но еще меньше мне хочется быть втянутой в эту мучительную работу над совместным проектом с человеком, который совершенно не горит желанием сотрудничать и испытывает ко мне явную неприязнь. Я откашливаюсь и перебиваю Джулию:

– Извините, – говорю я, – но похоже, что на этот раз я ничем не смогу быть вам полезной. Дело в том, что я снова выхожу на работу. Причем начинаю прямо с сегодняшнего дня. Я думаю, что эту ярмарку мне лучше пересидеть в сторонке и просто понаблюдать, чтобы получить более полное представление и о том, что надо делать, и о людях. Я обязательно вызовусь добровольцем для каких-нибудь мероприятий в следующем семестре.

Джулия смотрит на меня в полном изумлении. Интересно, когда в последний раз хоть кто-то говорил ей «нет»? Затем она молча разворачивается и идет дальше, продолжая раздавать задания остальным участникам встречи, активным и полным энтузиазма. После чего объявляет собрание закрытым.

Я вскакиваю с места, стремительно направляясь к выходу, но при этом осторожно оглядываюсь по сторонам, проверяя, не слишком ли очевидно, что я ухожу первой. Подносы с выпечкой так и остались практически не тронутыми. На противоположной стороне стола с угощениями какая-то женщина подбирает и незаметно кладет в рот отслоившиеся от круассанов крошечки, ее губы испачканы крошками.

Я останавливаюсь и завороченно смотрю на этого смелого человека, готового на глазах у всех сдать под натиском собственного голода. Женщина ловит на себе мой взгляд и улыбается. Я краснею и отворачиваюсь. С другого конца зала доносится резкий смех, от звука которого я вздрагиваю и вспоминаю, что надо срочно бежать.

Уже практически в дверях меня настигает возмущенный возглас Джессики:

– Ты еще не заплатила!

– О, извини, я не поняла... – бормочу я. – Сейчас. Пятерки хватит?

Порывшись в сумке, я достаю помятую купюру.

С надменным выражением лица Джессика смотрит на протянутые мной деньги, а затем говорит сквозь зубы:

– Тридцать фунтов, пожалуйста.

– Сколько-сколько? – Мои глаза округляются от удивления.

– Тридцать фунтов. Нам нужно покрыть стоимость всей этой выпечки.

– Но никто ведь ничего не ел... – растерянно говорю я.

И, снова порывшись в сумке, нахожу еще несколько купюр, которые сую в руку Джессики. Я поворачиваюсь, чтобы уже наконец уйти, но в этот момент мой взгляд снова замечает все эти горы несъеденных пирожных. И, прежде чем я успеваю подавить в себе этот внезапный порыв жадности, я беру салфетку и наполняю ее круассанами и шоколадными булочками. Я слышу, как женщины перешептываются вокруг меня. Но с меня довольно! Заплатить тридцать фунтов и оставить всю эту великолепную выпечку тут в кафе – это уже слишком! И я, черт возьми, возьму хоть что-нибудь с собой.

– Боже мой, – произносит кто-то позади меня.

– Что это ты себе позволяешь? – вопрошает Джессика возмущенным тоном.

– Беру несколько пирожных, за которые только что заплатила, – говорю я, гордо поднимая голову. – Это что, запрещено?

– Ну... нет... Но это довольно необычно. Никто ничего подобного никогда не... – Слова Джессики затихают на половине фразы. – Джулия! Джулия! Эта новая мама хочет взять с собой остатки еды.

– Взять с собой? Остатки еды? – не веря своим ушам, переспрашивает Джулия, подняв от удивления брови. – Прошу прощения...

Она смотрит на меня с презрением. Я, вцепившись в свою салфетку с выпечкой, твердо выдерживаю ее испытующий взгляд. Через мгновение Джулия отворачивается, горделиво взмахнув волосами.

– Обычно, – надменно заявляет она, – наши остатки отдают в приют для бездомных. Разумеется, они всегда чрезвычайно нам благодарны. Но, возможно, ты действительно нуждаешься в этом больше.

– Я просто не хочу, чтобы вся эта выпечка пропала даром, – оправдываюсь я. – У меня и в мыслях не было причинять вам какие-то неприятности.

– Что ты, что ты... Никаких неприятностей. Вот, у меня есть пакет. Я сейчас вытряхну из него все свои бумаги. Тебе необходимо взять больше...

И с этими словами Джулия берет свой украшенный дизайнерскими лейблами пакет и высыпает все его содержимое на стол. А затем горстями начинает сгребать пирожные, круассаны, булочки и засовывать их в его вместительную глубину. Она опустошает все подносы на столе, наполняя пакет до краев, и вскоре содержимое начинает вываливаться через край. И когда кажется, что он вот-вот лопнет, она с улыбкой протягивает его мне:

– Вот. Это должно поддержать тебя какое-то время.

Я улыбаюсь ей в ответ, но чувствую, как краска приливает к моему лицу. Кивнув в знак благодарности, я протягиваю руку, чтобы взять пакет, и как ни в чем не бывало собираюсь уходить. Из дальнего угла зала раздается взрыв смеха, который, однако, быстро смолкает. Когда я берусь за ручку пакета, мои пальцы случайно касаются руки Джулии. Мои нервы так напряжены, что я рефлексивно отдергиваю ладонь, словно от кипятка, и отшатываюсь назад. Содержимое пакета рассыпается по всему полу.

На мгновение кажется, что время остановилось. Мы с Джулией стоим над рассыпанной горой свежей выпечки. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, но из него вырывается лишь какое-то бессвязное заикание. Не оборачиваясь и не глядя себе под ноги, я убегая прочь прямо по разбросанной по полу еде, все еще сжимая в руках салфетку с круассанами.

Только выйдя на улицу, я замечаю, что к одному из каблучков моих туфель прилепился огромный кусок булочки. Я усиленно пытаюсь оттереть его о бордюр. Но толстый слой шоколада размазлся и накрепко застрял между подошвой и каблуком, не поддаваясь никакой очистке.

12

К тому моменту, когда я добираюсь до адвокатского бюро, часы показывают уже почти половину одиннадцатого. От автобусной остановки я бежала так, будто за мной гнался черт, каждую секунду ощущая, как кровь бешено стучит у меня в висках. Залетаю в контору и сразу же вижу Кирстен, которая стоит возле стойки регистрации в приемной. Я торопливо здороваюсь с ней и рассыпаюсь в извинениях за опоздание. Она смеется и предлагает мне отдышаться и присесть.

– Не переживай. Барбара еще не пришла. А без нее я не могу проводить тебя в ее кабинет. Ты не возражаешь подождать ее здесь? Она должна уже скоро прийти.

Фух... Значит, я паниковала напрасно. Со вздохом облегчения я направляюсь к длинному кожаному дивану в углу приемной, недоступным образом все еще сжимая в руках заветную салфетку с пирожными. Я оглядываюсь вокруг в поисках мусорного ведра, но тщетно. Затем я снова подхожу к стойке регистрации:

– Куда можно выкинуть вот это?

– Давай мне, – отвечает Кирстен. – Я брошу это в мусорное ведро.

Она протягивает руку, и я отдаю ей салфетку, внезапно почувствовав острое нежелание расставаться с этим своеобразным трофеем. Кирстен смотрит на круассаны и булочки в салфетке.

– А что с ними не то? – спрашивает она.

– С ними все в порядке. Возможно, они немного раздавлены. Но на самом деле мне просто некуда их девать.

– Как по мне, так они выглядят очень аппетитно. Давай-ка я сейчас приготовлю кофе и попробую на вкус парочку этих милых булочек. Не хочешь ко мне присоединиться, пока будешь ждать?

После инцидента в кафе у меня сложилось такое предубеждение к утреннему кофе, что я уже готова была отказаться, подозревая, что это какая-то хитрая ловушка. Но когда я увидела искреннее и совершенно лишнее лукавства выражение лица Кирстен, внутри меня что-то неуловимым образом изменилось.

– Почему бы и нет. Я с удовольствием выпью чашечку кофе. У вас есть какие-нибудь тарелки, куда можно выложить эти булочки?

В приемной стоит кофе-машина. Кирстен делает два эспрессо и ставит их на столик перед диваном, захватив с собой еще пару блюдца для круассанов. Затем она присаживается рядом, и мы вместе наслаждаемся французской выпечкой.

Закончив наш импровизированный завтрак, я вытираю крошки с губ и прочищаю горло:

– Тебе что-нибудь известно об этом судебном процессе? Вы уже встречались с обвиняемым?

– Да, уже встречались, – отвечает Кирстен. – Он присутствовал на нескольких последних совещаниях по делу. Такой вежливый, интеллигентный человек. И проходит через такой позор! Не знаю, как у этой девушки повернулся язык предъявлять ему такие нелепые обвинения.

– У этой девушки?

– У жертвы. Так называемой жертвы. У нее, должно быть, нет ни стыда, ни совести, раз она так запросто может разрушить чью-то жизнь, – сокрушается Кирстен. Она уже доела один круассан и принялась за второй.

Прежде чем я успеваю ей что-либо ответить, распахивается дверь в приемную. Я бы никогда не поверила, что Кирстен может двигаться с такой молниеносной скоростью, допивая кофе,

убирая тарелки, смахивая крошки с губ и возвращаясь на свое рабочее место с безупречной улыбкой.

Входит Барбара Карлайл. На этот раз я не пытаюсь спрятаться – я гляжу прямо на нее, чтобы как следует рассмотреть. Ростом выше среднего, довольно худощавая, она практически не изменилась за последние десять лет. Только волосы приобрели более стальной оттенок, а вертикальные складки в уголках рта стали более заметными. Я срочно пытаюсь привести себя в порядок, обнаружив на юбке крошки от круассана.

Барбара подходит и встает прямо напротив меня, слегка улыбаясь:

– Сэди, рада видеть тебя на борту. Добро пожаловать. Надеюсь, теперь ты здесь надолго и уже не бросишь адвокатуру, как тогда?

– Гм... Да... Извините за тот раз, так получилось...

– Почему бы нам не пройти в мой кабинет, и я введу тебя в курс дела.

Она поворачивается и проходит через приемную, не дожидаясь, пока я последую за ней. Я машу рукой Кирстен, бормоча по пути слова благодарности, и бегу вслед за удаляющейся Барбарой, пытаюсь ее догнать.

Один лестничный пролет, другой. Мы сворачиваем в коридор, который я слишком хорошо помню по своим ранним годам в Судейской палате – в этой комнате слева я постигала азы юриспруденции со своим первым наставником, а вот там я готовилась к своему первому судебному процессу. Я быстро пробегаю мимо всех этих воспоминаний и вхожу в открытую Барбарой дверь в самом конце темного коридора.

– Вот мы и пришли, – говорит она. – Прости за беспорядок. Я пыталась одновременно вести сразу два дела. Вот теперь ты воочию можешь увидеть, почему мне срочно необходима помощь.

Я оглядываюсь по сторонам. На всех доступных поверхностях валяются разбросанные документы, папки и файлы. Пол тоже покрыт какими-то бумагами. В комнате достаточно светло. Сквозь высокое окно, выходящее на Эссекс-стрит, проникают лучи солнечного света, но весь подоконник заставлен стопками книг, покрытыми толстым слоем пыли.

Через открытое окно хорошо слышен шум уличного движения. В воздухе чувствуется сильный запах сигарет, несмотря на строгий запрет на курение в Судейской палате. Словно отвечая на мой невысказанный вопрос, Барбара пододвигает стул поближе к окну и садится, прикуривая серебристой зажигалкой тонкую сигарету. Она глубоко затягивается, а потом выставляет руку с сигаретой в открытое окно.

Я усиленно пытаюсь контролировать выражение своего лица, чтобы выглядеть совершенно невозмутимо. Но натренированный годами допроса свидетелей взгляд Барбары способен по малейшим признакам определить мое истинное отношение к происходящему.

– А кто, по-твоему, может запретить мне это делать? – спрашивает Барбара с хриплым смешком.

– Полагаю, будет излишним напоминать вам о вреде курения, – смущенно бормочу я.

– Дорогая, мне шестьдесят пять. И никотин все еще не убил меня, – иронично заявляет она, протягивая мне пачку сигарет.

Ох, как это заманчиво. Почти что настоящее искушение. Скрежет спичек, вспышка пламени, сладкий запах и вкус первой затяжки. Это потом уже дыхание станет тяжелым и несвежим. Но сначала... Стоп. Нет. Я не могу.

– Нет-нет, спасибо. Я не курю. Я бросила, когда была беременна. И больше потом не начинала. Я не могу. У меня не получится курить тайком.

– Ах да, конечно. У тебя же ребенок. Твоя карьера так стремительно набирала обороты. А ты вдруг забеременела и уехала в Америку. Ты не жалеешь об этом? Не думаешь, что напрасно так поступила?

Я хлопаю глазами, удивляясь прямоте вопроса. Она очень сильно отличается от всех тех дамочек, обтянутых спортивной лайкрой, с которыми я встречалась сегодня в кафе на Сент-Джонс-Вуд.

– Давай, – решительно заявляет Барбара, – садись рядом и расскажи мне все о себе. Я никогда этого не понимала. Что происходит со всеми вами, девочки? Возьмем, к примеру, тебя. Ты была одним из лучших юристов-практикантов, самым талантливым молодым адвокатом в нашем бюро. У тебя на подходе были громкие судебные процессы в Королевском суде. А ты бросаешь все это ради ребенка! По-моему, все это выглядит весьма позорно.

Я убираю гору бумаг со второго стула в комнате. И неторопливо сажусь рядом, обдумывая свою речь и подбирая подходящие слова. Хотя прошло уже более десяти лет, но протяжный голос Барбары воспринимается все еще таким знакомым. Это совершенно нереально – снова оказаться в Судейской палате. Даже запах сигарет Барбары остался прежним. И он все также соперничает с ароматом ее духов – таким же стойким, резким и узнаваемым, как и в те годы.

Я открываю было рот, чтобы что-то сказать. Перед мысленным взором проносятся все эти безвозвратно ушедшие годы. Я тяжело вздыхаю:

– Да. Это действительно весьма позорно. Я не уверена, что сейчас приняла бы такое же решение.

– Каждый год здесь случается что-нибудь эдакое, – говорит Барбара. – Обязательно кто-то из молодых юристов с треском вылетает отсюда. Обычно они напиваются в хлам на адвокатской вечеринке и полностью теряют над собой контроль, вытворяя невообразимое. Или не соблюдают субординацию, посылая к черту не того человека, не осознавая, что это не сойдет им с рук. Но ты... ты была одним из самых разумных молодых адвокатов. Я полагала, что ты останешься здесь надолго.

Это весьма приятные слова. Однако мне нельзя расслабляться. Моя настороженность снова заступила на свой пост, прогоняя волны воспоминаний обратно в море памяти. Мне нужно быть начеку. Я напоминаю себе, что Барбара никогда не была белой и пушистой.

– Это было бы очень непросто – родить ребенка и продолжать постоянно ездить по судам, участвуя в разных процессах. Кроме того, мой муж тогда получил хорошее предложение по работе в США, слишком заманчивое, чтобы отказаться от него. Вот поэтому мы переехали.

Губы Барбары презрительно скривились.

– Ты так хорошо справлялась со своей работой. Я не могу себе представить, какое предложение может быть слишком заманчивым, чтобы от него невозможно было отказаться, если оно потребовало перечеркнуть все эти годы твоей кропотливой, напряженной работы, когда ты так уверенно продвигалась в своей адвокатской практике. Жаль, что тогда карьера твоего мужа оказалась для тебя важнее твоего собственного призвания, – фыркает она. – По крайней мере, хоть сейчас ты одумалась и вернулась. Я полагаю, что заботу о ребенке он собирается взять на себя?

– Он остался в США, – говорю я. – Мы расстались.

Барбара снова фыркает:

– Меня это совершенно не удивляет. Ты должна была бросить его много лет назад. А теперь выходит, что ты потратила впустую целое десятилетие своей жизни. По крайней мере, еще не слишком поздно тебе вернуться к работе. Ну, вот честно! Что это такое? Все эти способные женщины с многообещающими перспективами, с красными дипломами лучших университетов, с блестящим прохождением юридической практики – все они бросают годы своих усилий и тяжелого труда, чтобы, уйдя со сцены, просто родить детей. Они никогда не возвращаются обратно после того, как уходят в декрет. Как же это нелепо!

Я слушаю речь Барбары, хлопая глазами. Я понимаю, к чему она клонит. Все эти годы во мне молча бушевала дикая ярость по этому поводу. Но конечно же Барбара не может быть настолько слепа к жизненным реалиям адвокатской практики и к тем трудностям, с которыми

неприменно придется иметь дело новоиспеченным мамочкам-юристам, если они пожелают вернуться на работу вскоре после рождения ребенка.

Невероятно тяжело быть полноценным родителем и в то же время оставаться в столь негибкой рабочей среде юридической системы с ее жесткими требованиями ведения судебных дел. Чего стоит одно только «правило такси» в английском праве, доминирующее над всем остальным, согласно которому незанятому в другом процессе адвокату попросту запрещено отказываться от участия в деле, если к нему обратился клиент.

– Это все достаточно сложно, – говорю я в конце концов. – Я ни на минуту не пожалела, что у меня есть ребенок. Но также я очень рада, что теперь я снова в строю. И очень благодарна за возможность поучаствовать в этом процессе вместе с вами. Вы можете дать мне какие-нибудь подробности дела?

Пора вернуть наш разговор в конструктивное рабочее русло. Барбара снова фыркает. Скорее всего, она не до конца уверена, что уже закончила свой перекрестный допрос. Но я радостно улыбаюсь, надеясь, что это поможет отбить у нее охоту продолжать обсуждение моей личной жизни. Через мгновение она закуривает еще одну сигарету и начинает перебирать какие-то бумаги.

– Я дам тебе краткую хронологию этого дела. Что бы там ни было, но я никогда в жизни не видела большей ерунды, – говорит она, откидываясь на спинку стула.

13

Я наугад вытаскиваю папку из коробки, которую Барбара дала мне посмотреть. Тут оказались скриншоты из Фейсбука – личной страницы потерпевшей по этому делу: переписка и серия фотографий. На одном снимке смеющаяся молодая девушка обнимает подругу, на другом она же позирует в фетровой шляпе. Я более внимательно смотрю на даты публикации фотографий в сети. Девушке тогда, должно быть, было лет тринадцать-четырнадцать. Суший ребенок. На третьем снимке она стоит, соблазнительно обвив боа из перьев вокруг шеи и надув свои губки. Но это все равно еще ребенок, просто играющий в переодевания.

Я откидываюсь на спинку стула и закрываю глаза. Как только Барбара закончила рассказывать мне подробности этого дела, она ушла на обед, так что ее кабинет остался полностью в моем распоряжении. Мне нужно собрать воедино все то, что мне сообщили по этому делу. И просто необходимо подавить чувство сострадания к этой девушке, которое незаметно закрадывается в мое сердце. Я должна сосредоточиться на поиске наилучшего способа удовлетворить интересы нашего клиента, доказав его невиновность.

«Он – прекрасный человек», – охарактеризовала его Кирстен. «Я глубоко убеждена относительно его непричастности к совершению этого преступления», – заявила Барбара. Здесь может таиться большая опасность серьезной несправедливости. Нам придется очень сильно побороться, чтобы выиграть этот процесс.

Я повторяю факты так, как они были изложены в газетах и в кратком отчете Барбары. У Фрей МакКинли, которой сейчас исполнилось семнадцать, несмотря на столь юный возраст, уже были большие проблемы в жизни. За ней прочно закрепилась репутация трудного подростка, причем как в школе, так и дома. Она была недисциплинированной, нерадивой, невнимательной, любую попытку контроля, влияния или управления воспринимала в штыки, не признавала никаких авторитетов. В начальной школе она училась без особых проблем и одно время демонстрировала большие академические успехи. Однако согласно отчету, представленному директором ее прежнего учебного заведения, ей не удалось поступить ни в одну из выбранных ею средних школ, и она оказалась в частной гимназии, в которой больший акцент делался на навыки социализации, а не на академические стандарты. Начиная с седьмого класса ее успеваемость в школе резко ухудшилась. Начались серьезные проблемы с поведением и учебой, которые значительно усилились после развода ее родителей, который произошел, когда девочке исполнилось тринадцать лет. Она первой в своем классе попробовала сигареты и алкоголь. А затем переключилась на марихуану и, скорее всего, еще более тяжелые наркотики, хотя эти подозрения так и не были документально подтверждены.

Фрею несколько раз едва не исключили из школы, проявив снисходительность исключительно в связи с тем, что она очень болезненно переживала развод своих родителей. Очевидно, что, даже несмотря на достаточно мягкие академические требования в этой гимназии, с учебой у нее была полная катастрофа. В этот момент ее и взял под свое крыло наш клиент – двадцатипятилетний учитель французского и английского языка Джереми Тейлор.

Помимо языковой практики мистер Тейлор также вел занятия по драматургии. Фрея в числе других учеников участвовала в постановке школьного спектакля «Укрощение строптивой», и мистеру Тейлору удалось установить с ней контакт. Между ними сложились хорошие дружеские отношения, и поэтому Фрея согласилась на дополнительные занятия с мистером Тейлором. Благодаря этому ей удалось в достаточно короткий срок подтянуть свои знания по многим предметам и в дальнейшем успешно освоить школьную программу в должном объеме, показав очень хорошие результаты, в том числе и на выпускных экзаменах.

До этого момента и обвинение, и защита в общих чертах излагают одинаковые факты и сходятся во мнении относительно происходящих событий. Но в дальней их позиции начинают

существенно разниться. Согласно версии стороны обвинения, мистер Тейлор обучал Фрею не только грамматике и неправильным глаголам. Они заявляют, что он с самого начала готовил ее к сексуальным отношениям, которые начались между ними, как только ей исполнилось шестнадцать, и продолжались до недавнего времени, пока Джереми не попытался их прекратить. После чего Фрея пошла в полицию и подала на него заявление о сексуальном домогательстве, которое и составляет основу выдвинутых против него обвинений.

Версия же защиты излагает события так, что Джереми пожалел девушку и сделал все возможное, чтобы помочь ей в учебе. При этом с ее стороны постоянно возникали неприличные намеки и неподобающие знаки внимания, которыми она упорно демонстрировала свое расположение к своему учителю. Однако мистер Тейлор предпочитал игнорировать такое неуместное поведение Фреи и делал акцент исключительно на учебе. Он не бросил проведение дополнительных занятий с девушкой исключительно по причине того, что видел в ней большой академический потенциал и испытывал к ней чисто человеческое сострадание. Мистер Тейлор всегда строго следил за тем, чтобы их занятия проводились только в общественных местах и чтобы мать Фреи была в курсе всей их совместной рабочей переписки. Однако, несмотря на его самые светлые и чистые намерения помочь ей, дело дошло до того, что однажды во время их дополнительного урока, проходившего в доме Фреи, она разделась и попыталась его соблазнить. Это стало последней каплей терпения мистера Тейлора, и он наотрез отказался проводить с ней какие бы то ни было дополнительные занятия в дальнейшем. После чего, в гневе и обиде, Фрея пошла в полицию со своими обвинениями против него. Он полностью отрицает любые сексуальные или романтические отношения между ними.

От недоумения я даже протерла глаза. Это весьма банальная и простая история, оправдать клиента не составит особого труда. Многое, конечно, будет зависеть от того, кто является наиболее вероятными свидетелями обвинения.

Я листаю распечатки фотографий, пока не нахожу более свежий снимок Фреи, сделанный в начале этого года. Она стала старше, выражение лица более настороженное, глаза не смотрят в камеру. Но в ней все еще слишком много детского. Ее неопытность, незрелость и невинность вполне очевидны. Я снова перечитываю описание, которое дал ей Джереми. Оно совершенно не совпадает с ее фотографией и тем, что видят мои глаза. Возможно, это дело все-таки не будет таким уж простым...

Интересно, имеется ли в документах фотография обвиняемого? Я начинаю ее искать, по очереди просматривая все файлы, но вскоре сдаюсь, побежденная таким количеством материалов по этому делу. Судя по описанию Кирстен и Барбары, мистер Тейлор должен быть весьма милым и добросердечным человеком. Впрочем, достаточно скоро я смогу убедиться в этом сама, когда он в следующий раз придет в адвокатское бюро для встречи с Барбарой.

А пока моя работа предельно ясна. Я должна просмотреть кучу сообщений с телефона и компьютера Фреи в поисках любых доказательств, подтверждающих заявление девушки о том, что она и обвиняемый состояли в отношениях. Или, точнее говоря, я буду искать отсутствие подобных улик.

Фрея может сколько угодно утверждать, что она была очень осторожна и до поры до времени тщательно скрывала тот факт, что они с Джереми были в контакте. Однако совершенно невозможно полностью скрыть существование подобного рода отношений таким образом, чтобы не было абсолютно никаких упоминаний, намеков и следов этого ни в одной из ее социальных сетей.

Джереми утверждает, что между ним и его ученицей никогда не было никаких иных способов общения, кроме рабочей переписки по учебным темам в телефоне и по электронной почте. Я должна убедиться, что между ними действительно не было иных внешних связей и ничего такого, что могло бы как-то противоречить его словам.

Прошло уже почти три часа, как я погрузилась в материалы этого дела, но я только успела лишь немного копнуть поверхность. Похоже, что из них двоих Фрея раньше присоединилась к Фейсбуку. Она создала себе там страничку, когда ей было одиннадцать лет. Робин сейчас почти такого же возраста. Я подавляю возникшую нервную дрожь. До сих пор мне удавалось держать Робин подальше от любых социальных сетей. Ей разрешались только сообщения в телефоне и общение в мессенджерах. Но я знаю, что остальная социализация в Интернете – это лишь вопрос времени.

То же было и с Фреей. К тому моменту, когда ей исполнилось тринадцать, у нее помимо Фейсбука уже были странички и в Твиттере, и в Инстаграме. Хотя Твиттер, похоже, не представляет большого интереса для подростка – распечатка страницы профиля Фреи показывает, что в этой соцсети она подписана всего на несколько страниц, две из них принадлежат какому-то поп-звездам, есть еще пара электронных подростковых журналов, а также служба новостей Би-би-си.

Еще Фрея – активный пользователь Снэпчата, социальной сети, в которой можно обмениваться фотографиями и короткими видео, полностью исчезающими через двадцать четыре часа, что, безусловно, является главной привлекательной особенностью этого сервиса. Хотя я знаю, что изучение Снэпчата вряд ли даст нам какую-нибудь полезную информацию из-за функции автоматического удаления контента, я все же начинаю просматривать ее профиль и записывать даты и время публикации медиафайлов.

Незаметно подошло время забирать Робин из школы. Я достаю из коробки и кладу себе в сумку первую попавшуюся папку с материалами дела, чтобы поработать над ними позже вечером.

Вот я уже жду Робин у школьных ворот, опустив голову в воротник пальто и ссутулив плечи, не знаю даже от чего больше – от промозглого холода осеннего вечера или доносящихся насмешек других матерей.

Я все это время размышляю об этом запутанном случае, гадая, насколько испорчены, должно быть, отношения у Фреи со своей матерью, раз она начала вести свои личные странички во всех социальных сетях в таком юном возрасте.

Вдруг я спохватываюсь и упрекаю сама себя. Я не имею права никого осуждать. Насколько я знаю, моя дочь уже сейчас зарегистрирована по крайней мере в половине из них. Я вспоминаю, что уже несколько месяцев не проверяла телефон Робин.

Я все еще глубоко погружена в свои размышления, когда чувствую, что кто-то дружески хлопает меня по плечу. Я оборачиваюсь с улыбкой, уверенная, что это моя дочь. Но это не Робин. Это одна из мам. Я моментально напрягаюсь и почти инстинктивно меняюсь в лице. Но как только я замечаю, что эта женщина улыбается мне, мои скулы немного разжимаются и мышцы расслабляются.

– Я думала, это Робин, – говорю я.

– Извини за беспокойство. Просто ты была занята своими мыслями, а мне хотелось познакомиться с тобой поближе. Я видела тебя сегодня утром в кафе, но у нас не было возможности поговорить.

Я смотрю на нее более внимательно и узнаю в ней ту темноволосую женщину, которая ела круассан. На вид она самая нормальная среди всех этих мамашек. Довольно низкого роста, не слишком худая, кое-где в волосах виднеются следы седины. Я чувствую, как мое напряжение немного слабеет, но настороженность и нервозность меня не покидают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.